

САТПРЕМ

Том 1

МАТЬ,

ИЛИ

Божественный материализм

Мы с Матерью - одно, но в двух телах.

Шри Ауробиндо

17 ноября 1973 года, 7 часов 25 минут пополудни. Она ушла.

Трое врачей констатировали смерть.

Ошибки быть не может.

И всё же...

Её лицо было таким утончённым, таким бледным - нет, в нём не было ни блаженства, ни , - могучая собранность. Она обрела всё блаженство, Она воплотила полное освобождение души. Сильнейшая собранность; её глаза были устремлены - на что? На Загадку? - пронзительный и неумолимый взгляд, подобный мечу, нацеленному в самое сердце Лжи. - это Ложь, - говорила Она. - Мы затвердили её, но победа над этой нелепостью в нашей власти>.

Что произошло? Или, быть может, что происходит?

Что видела Она своими закрытыми глазами? Она говорила так: вижу закрытыми, чем открытыми глазами.

Они решат, что я мертва, ибо я не буду ни двигаться, ни говорить... Но ты-то знаешь, ты расскажешь им...>

Ты расскажешь им...

Древнейшая со времён появления человека тайна; не было ничего, равного ей по силе со времён существования Древнего Египта, и ещё раньше, когда в ночи времён умер первый человек. концов, пока существует смерть, - только и сказала Она, - ничто ничем хорошим кончиться не может>. Вот так: можно петь, рисовать, сочинять стихи, ударяться в религию (это главная причина нашей любви к религиям), философствовать (это главная причина нашей любви к философии), но в конце всегда будет возврат к радикальному вопросу, а он-то уж обличит тщету всех наших порывов и миленьких песенок. Уже несколько миллионов лет мы перекладываем на плечи будущих поколений и заботы, и надежды, и ожидания лавров - потом, потом, а мы продолжаем пустую песню и ждём, когда наши глаза откроются и увидят Загадку. Стоит устранить одну нелепость, и всё изменится: религии, философии, песни, жизнь. Только это и имеет значение. Только эта нелепость изменяет и определяет всё. вопрос я и должна разрешить>, - говорила Она.

Ты расскажешь им...

Величайшая тайна; нам даже не распутать её нити, но все они здесь, прямо под рукой - в этой великой эпопее, Агенде Матери, где шаг за шагом изложен опыт перехода к новому земному существованию. Только вот с этими тайнами дело обстоит так же, как и с тантрическими мантрами: мало просто пересказать их - нужно, чтобы они вошли в субстанцию, надо переключиться, чтобы они стали живыми, могучими и динамичными - в опыт Матери надо войти. К Её открытию приходится подходить по-особому; это переворот всей жизни. Пока мы не произведём революцию смерти, мы ни на йоту не изменим ни один атом в мире, даже ценой уничтожения всех бомб, библиотек и уравнений. Можно сдвинуть с оси всю планету, но ничего не изменится - даже на других планетах мы будем решать те же самые уравнения, и всё начнётся с начала - от аминокислот и молекул до какой-нибудь там Нобелевской Премии, только никак не мира. Ведь ничего не изменится, пока это останется прежним. этого изменения> - сказала Она.

И Она ушла...

Или нет? В чём тайна Матери?

ушёл и не раскрыл нам своей тайны>, - однажды сказала мне Мать. Однако, Она-то, может быть, оставила нам свою тайну, которая позволит раскрыть и секрет Шри Ауробиндо, ибо разницы между ними нет. Когда мы поймём, что сделала Она, то узнаем, что сделал и Он - мы убедимся, что это не философия, несмотря на тридцать четыре тома Его сочинений, а живая эволюция или, скорее, живая революция, продолжающаяся вечно. Они оба пришли ради этой революции, ради новой ступени эволюции, или нового, бессмертного состояния, которое, однако, совсем не то, что физическое бессмертие - оборотная сторона нашей смертности, или её блистательное продолжение в обход могилы, - их революция жизни настолько всеобъемлюща, что даже росток смерти не может пробиться на свет, а сама смерть, как и жизнь, превращается в... нечто другое.

Перейдем к главному.

надеяться, что вот это тело, инструмент нашего нынешнего существования на земле, постепенно превратится в то, что сможет явить высшую жизнь, или придётся начисто отказаться от этой формы жизни и принять другую, которой на Земле ещё и нет вовсе?.. Будет ли сохранена непрерывность, или новое появится внезапно? Удастся ли нам постепенно перейти от нынешнего существования к тому, чем стремится стать наш внутренний дух, или придётся решиться на разрыв, то есть отбросить настоящую человеческую форму бытия и ждать появления новой формы? Мы ведь даже предвидеть не можем, как она появится, и как она будет связана с нашей жизнью, сегодняшней жизнью>.

Это было сказано в конце 1957 года, ровно за год до того, как Она погрузилась в великий опыт, в , как выражалась сама Мать, и за пятнадцать лет до рокового 17 января 1973 года. Что произошло за эти пятнадцать лет? Нашла ли Она ответы на свои вопросы?

Вот ещё один: человеческий вид, по примеру прочих, исчезнуть с лица Земли?>

Её отнесли в комнату и положили в шезлонг, на покрывало из белого атласа. Люди проходили мимо Неё под вращающимися лопастями жужжащих вентиляторов и ярким слепящим светом - так тело разлагалось ещё быстрее. Они позаботились, чтобы Смерть побыстрее закончила свою работу. А Она ведь говорила: это тело в покое... Не спешите класть его в яму... хотя бы доктора и сказали, что оно умерло; оно всё равно останется в сознании, клетки останутся сознательными, - тело будет знать, что с ним происходит, будет чувствовать, и это добавит страдания клеткам. По-видимому, глупо суетиться, - продолжала Она, - лучше уж промолчать>.

В могилу, рядом со Шри Ауробиндо, Её опустили в гробу из красного дерева, но Она полусидела в нём, потому что спина Её сгорбилась - от боли, наверное: все болезни на свете, причём одновременно> - говорила Мать. Медленно опускали крышку. Луч света ещё падал на Её щеку. Она на что-то смотрела - лицо склонилось к груди. Но что?

Крышка закрыла Её голову - наступила ночь. Или что? Крышку привинтили двадцатью пятью шурупами.

Ей было девяносто пять лет. Она до самого конца сражалась как львица. Но где этот конец?

Во внешнем мире шла вторая война в Израиле. Ноябрь 1975 года. Впервые перекрыли нефтяной кран - маленький такой краник. Палестинские террористы устроили пальбу в Хартуме, Афинах, Флумичино. В Афганистане и Чили - государственные перевороты. Ирландский терроризм. В Барселоне, Бангкоке, Греции студенты вышли на демонстрации. Культурная революция в Ливии и Китае. Засуха в Сахеле. Падение доллара. Уотергейт. Пятнадцатая атомная бомба в Китае, пятые ядерные испытания Франции. Последняя четверть двадцатого столетия. Умер Пикассо. Может быть, умер мир. Или началось что-то другое.

Даже те, кто окружали Мать, начали ворчать. Она была так одинока.

С ухода Шри Ауробиндо минуло двадцать три года. А мы ещё слышим его пророческие слова:

Может прийти день, когда Она окажется беспомощной
На опасной границе между судьбой мира, и своей собственной,
В одиночестве несущей на плечах будущее Земли,
Несущей в опустошённом сердце надежду человека
На победу или поражение на последнем рубеже
В битве один на один со смертью и на грани исчезновения.
Ей, великой и единственной в этой ужасной сцене,
Придётся в одиночку перейти через опасный мост времени
И достичь последней точки участи мира,
Где для человека всё - или победа, или поражение.

Они ворчали. Но на самом деле ворчал весь мир, что-то такое, отчего повсюду вспыхнула ярость>. Не надо заблуждаться: дело не в борьбе за лучшую жизнь. жизнь не стоит ничего!> - говорила Мать. Речь идёт не о том, чтобы добавить социализма здесь, демократии там, ну, и ещё немного равенства и братства, - даже братство принадлежит смерти. И починка зданий или нефтяного крана тут тоже ни при чём - завтра ведь он всё равно даст течь в другом месте, поскольку утечка происходит повсюду. Это Запада>, который Шри Ауробиндо разглядел ещё 33 года назад, когда все наши науки находились на вершине и мы праздновали их открытия. А открывать-то, кроме нас самих, нечего! Если и есть сверхсила, то только в нас, если и есть источник новой энергии, то только в нас! стучит по голове земли, , чтобы открыть подлинную тайну Материи, настоящую силу, истинную жизнь без смерти, братство без расстрелов, правосудие без гильотины и людей, что будут хозяевами своей судьбы, - или вообще других людей. неизмеримо долги - прошлое изживается, будущее подготавливается - они очень длинны, скучны и однообразны: одно и то же повторяется без конца и кажется, что так будет продолжаться вечно. И вдруг, ни с того, ни с сего, между двумя такими периодами случается изменение. Вот так на земле появился человек. А сейчас появится что-то другое, иное существо>.

Потерпела ли Мать неудачу, или Ей удалось найти , путь к иному существу?

В этой самой секретов куда больше, чем кажется. В ней тайна будущего.

Эта тайна сложна и мы подходим к ней с молитвой на устах и дрожью в сердце. Точно так же, быть может, первый человек на поляне впервые подошёл к сомнительной мысли. Однако, тайна будущего мира - это не мысль, а супраментальное, она разворачивается в глубинах тела, в гнезде жизни-смерти, где когда-то первая вещь впервые воплотилась в Материи, на границе биологии и молитвы. Эту тайну не , это испытание огнём, ибо понимание для Материи означает силу. Эта сила находится на узкой полоске между жизнью и смертью, где клетки выходят из-под власти старого генетического кода, чтобы войти в царство закона будущего вида. Новая трансмутация куда тяжелее, чем трансмутация гусеницы. Трансмутация в следующую эру. Раскрыть тайну означает обрести силу свершения. Это означает - стоять перед смертью и перед жизнью с гордо поднятой головой, быть там, где и жизнь и смерть умирают, или, скорее, переходят в другую физическую жизнь, которая уже не жизнь и не смерть, а что-то другое. Может быть, божественная жизнь? Новая поляна. Великий переход.

Ты расскажешь им...

Мы попытаемся вместе осуществить этот переход, проложив путь через великий девственный лес Матери. Возможно, в самом конце, на опушке нового мира, глядя глазами другого существа, мы увидим, что искала Та, которая говорила: открою иллюзию, её надо

уничтожить, чтобы физическая жизнь текла непрерывно>.

Не обманемся: открытия ещё нет, его надо сделать.

Может быть, даже многим придётся его сделать самим, чтобы оно осуществилось.

Тогда - кто знает? - мы снова встретим Мать, будто Она и не умерала.

И глубинная ложь смерти рассеется.

Олений Дом, Нанданам,

6 января 1975 года

Часть первая

В поисках настоящей материи

1

КОРНИ

Великий девственный лес Матери появился давно. Он полон неожиданных поворотов, оврагов и таинственных чащ. Никто не знает, куда идти - налево, или направо; может быть, следует избрать сразу все направления? В лесу Матери троп, может статься, и нет, но, возможно, он сам - тропа. Он везде начинается и везде кончается, ибо каждая былинка может содержать в себе всё. , это забавно> - говорила Она.

во всех человеческих зданиях, - рассказывала Она сразу после своего видения, - Она ведь видела так много, везде и во всём, жить рядом с Ней означало видеть мир с неожиданной стороны, так, как ты ещё никогда его не видел, и никто не увидит, будь он хоть Пикассо, хоть Сверх-Пикассо (кстати, Пикассо был младше Матери на три года), - во всех, но не совсем обычных - в философских, религиозных, духовных; всё это символизировалось огромными зданиями - высоченными домами, по сравнению с которыми люди казались не выше вот этой табуретки. Пока я прогуливалась там, ко мне то и дело подходили люди, и каждый говорил: "Я знаю истинную дорогу". Я шла за ними к открытой двери, за ней виднелась безбрежная земля, но стоило нам подойти поближе, дверь закрывалась!.. Мне было смешно, и я думала: "Это действительно забавно!" Представь себе: пока они говорили, за дверью виднелись безбрежные просторы, яркий свет - просто чудесно! А подойди поближе - закрыто! Правда, очень интересно.

Там было, было... множество народу, и всё время появлялись новые лица - мужчины, женщины, юноши, старики, люди из самых разных, каких только можно себе представить, стран. А продолжалось всё это очень долго.

Помню одного из них, я сказала ему: "Да, тут чудесно, но это не похоже на настоящую пищу, вы всё равно голодны". И ещё... не знаю, откуда он родом: тёмная одежда, чёрные волосы, круглое лицо (китаец, наверное, не знаю), - он сказал: "Нет, со мной идти не надо! Попробуй лучше вот это," - и что-то дал мне. Это было так вкусно, просто великолепно. Я оторваться не могла. Потом я посмотрела на него и сказала: "Да, ты умён! Покажи мне дорогу." А он в ответ говорит: "У меня нет дороги">.

Вот и нам следует быть такими же мудрыми, как этот китаец, и не нарезать Мать маленькими научными ломтиками: надо ставить один ящик внутри другого!> - говорила Она и смеялась, ибо Мать смеялась всегда, - за исключением разве что последних лет, но даже и в ту пору Она находила людей удручающе серьёзными. раннего детства во мне живёт какая-то смешинка. Она видит все катастрофы, страдания, но не может удержаться от смеха - ведь любой человек смеётся над тем, что претендует на существование, а на самом деле не обладает им>. Она уже тогда воевала с иллюзией, не уничтожив которую, жить по-настоящему нельзя, - и самой привязчивой и дорогой среди всех иллюзий является, возможно, наша любовь к

страданию и всему трагическому. Можно спорить, но истина от этого истиной быть не перестанет.

Стало быть, мы пойдём по великому лесу Матери, не пропуская ни одной тропы, ни одного поворота, поскольку смысл может носить всё, и мы не можем быть уверены, что входит, а что не входит в бездорожную дорогу, и не можем поручиться, что конец не является началом, как в детской сказке.

За бесконечным лесом мы, может быть, увидим леса, горы, прекрасные пейзажи, но самое интересное, по правде говоря, - сама прогулка.

Удивительная бабушка

Эту маленькую парижанку, прожившую в Париже сорок лет (точнее, тридцать восемь), Матерью называли не всегда. Когда-то её называли просто Мирра (с двумя), и жила Она в странном космополитическом племени.

Начать можно и с бабушки, так как в ней было что-то своеобразное и любопытное, напоминающее некоторые черты Матери. Её звали Мира (с одним) Исмалун, и родилась она в Каире в 1830 году. Египетские корни Матери, возможно, не случайны - это древняя земля, - но у Неё вообще очень много корней, древних корней, везде... повсюду... лет, и я жду>, - говорила Она в последние годы со взглядом, который, казалось, нёс весь мир и всё сопротивление его земных детей. Мне вспоминается прекрасный очерк Уолтера Пэйтера о Моне Лизе, с которой Мать объединяло странное сродство и улыбка: гор, окружающих её... Она умирала множество раз и познала тайну могилы>. Но родина Исмалунов - это также и древняя урало-алтайская Венгрия, отец Мира Исмалун, Саид Пинто, хотя и был египтянином, но род его происходил из Испании. Над её колыбелью дули изменчивые ветра. Уральский воздух смешивался с тайнами долины Царей и огнём Иберии. На самом деле над колыбелью Матери бодрствовали совсем не мужчины, а женщины: это был род женщин-повелительниц.

Итак, мы оказались в эпохе Махмуда Али: Суэцкий канал ещё не прорыт, армии Паши поднялись против гнёта Оттоманской империи, феодальный Египет столкнулся с современным миром и ещё хранит память о Бонапарте. Яростный ветер Наполеона, похоже, оставил какой-то след, поскольку Мира Исмалун не теряла даром времени и тоже сбросила с шеи ярмо. В тринадцать лет, как то предписывал обычай, она благоразумно вышла замуж за банкира; с женихом она познакомилась, путешествуя по Нилу: мне дорогую диадему и корзинку клубники>, - сообщает Мира в своих мемуарах - она ведь оставила нам столь же очаровательные и смешные, сколь и краткие, мемуары, надиктовав их по-французски в семьдесят шесть лет своему внуку, губернатору Альфасса. В двадцать лет она прибыла в Италию. На это требовалась известная смелость - мы помним о положении женщин на Ближнем Востоке в прошлом веке, только по-арабски и носила египетское платье. По Италии я путешествовала с двумя детьми и гувернанткой, а мой муж оставался в Египте [он всегда был домоседом - Сатпрем]... Я оказалась первой египтянкой, осмелившейся вот так вот покинуть Египет>. И вот ещё: восхитительна в египетском небесно-голубом платье, украшенном золотом и жемчугами>. Кроме того, она носила с золотой верхушкой... но совсем не знала языка и потому поклялась себе выучить его как можно быстрее>. И правда, итальянский она усвоила довольно скоро, а потом ещё и французский - решительно, Мира Исмалун была неординарным субъектом. Затем она свела знакомство с Великим Герцогом, который композитор Россини, каждый день засыпал меня цветами>, - и с непосредственностью, в которой кокетство трудно отличить от шутки, она добавляет: свою благовоспитанность и даже строгость, я не была безразлична к этим знакам внимания>.

Происходило это где-то в 1850 году.

Неизвестно, действительно ли она была столь строга, но в жизни она разбиралась превосходно и искренне любила ее. Мира Исмаун была наделена тем вселенским разумом, для которого границы любой страны кажутся никчемными и обременительными. Путешествуя по Европе, старшего сына она оставила в Венском пансионате, второго, а затем и третьего - в Париже: меня с ума, при моих необычных взглядах и темпераменте, я не находила ничего дурного в том, что повсюду бывала с Эльвирой [это её старшая дочь, названная, как мы видим, прекрасным египетским именем], но поскольку мой наряд был более заметен и элегантен, публика обращала внимание на меня>. Не ошибитесь: в голове Миры Исмаун не гулял ветер, она читала Ренана, Тэна, Ницше, Дарвина, но при этом, как и Мать, была одарена чувством равновесия и умела примирять противоположности: старалась не давать особой воли ни сердцу, ни голове, что позволяло мне удерживаться от крайностей. Что до моих финансов, то я постоянно заботилась о том, чтобы расходы соответствовали доходам>. Гениальная идея о соединении приятного с полезным появилась у неё, когда она узнала, что бедные египетские княгини в своих гаремах умирают от желания узнать Париж. Поэтому в Египет Мира везла самые модные платья, самые дорогие драгоценности, парфюмерию и журналы, оправдывавшие причуды её выбора. я не приезжала, меня принимали как королеву. Величественная внешность, роскошные туалеты, строгие манеры и мои расходы создали мне высокий пьедестал>. Но помимо всего прочего она привозила домой и картины, ибо маленькие принцессы до смерти желали увидеть себя во всём великолепии на картинах кисти лучших художников Парижа, похожих на фотографии. Вот так Мира Исмаун и познакомилась с Парижем живописцев и мастерской Вьено и Эдуарда Мориссе, который станет тестем молодой Мирры.

Широта духа Миры Исмаун не знала никаких границ; религия тоже не слишком занимала её - вероятно, она считала её такой же узкой, как и патриотизм, но окружающим она предоставляла право поступать по собственному усмотрению. Поэтому, обнаружив, что не в меру благочестивая горничная обратила Эльвиру в католическую веру, она не только не упрекнула свою дочь, но даже начала поиски мужа-единоверца для неё, поскольку Эльвира хотела этого. первой египтянкой, - замечает Мира, - позволившей своей дочери выйти замуж за католика (да ещё и итальянца, добавим мы). В нашем кругу смотрели на это косо и бранились. В нашей семье некоторые даже довольно долго не желали меня видеть>. Поскольку во всем она привыкла видеть и смешную сторону, она добавляет: гражданским, его заключили в итальянском консульстве. Церемония была очень красива и интимна. На мне было чудесное платье, украшенное серым жемчугом. Когда с формальностями было покончено, Эльвира с мужем и свидетелями вошли в церковь, а я сделала вид, что ничего не замечаю. Я вообще весьма либеральна и не вижу в этом ничего дурного>.

Она надолго задержалась в Египте, чтобы присутствовать на открытии Суэцкого канала. Лессепс приехал за мной с целым эскортом> (кого только не знала эта удивительная бабушка). Второй своей дочери, Матильде, которая станет матерью Матери, Мира разрешила выйти замуж за того, кто ей нравится. Это случилось в 1874 году в Александрии. очень торжественной и проходила в правительственном дворце. Присутствовал вице-король и все его министры. На мне было чудесное платье; люди находили, что я красивее, чем моя дочь>. Наконец, маленькая арабская женщина, покорившая Париж в своем небесно-голубом платье и маленьком тюрбанчике, читавшая видов> и опустошавшая Гранд-Отель, обосновалась в Ницце. Последние годы её жизни прошли морем и спокойными водами Женевского озера>: и театров, набегов на столицы, близких знакомств со знаменитостями, прожив великолепную жизнь и не зная других забот, кроме собственных дел и удовлетворения своих капризов и желания хорошей жизни, я обрела достаточно мудрости, чтобы удалиться и вести более скромную и спокойную жизнь>.

Муж сопровождал её. меня>, - лаконично сообщает Мира (нас это не удивляет).

Самое удивительное в этой блестящей жизни, которую не могли удержать никакие границы и которая брала начало в долине Нила, - то, что в конце праздничного путешествия раздался неожиданный крик, будто Мира не желала принимать никаких ограничений, даже смерти: шесть лет мне, откровенно говоря, совсем не нравится старость, я по-прежнему нахожу жизнь прекрасной и восклицаю вместе с Гёте: "Вперёд, через могилы!">

Это зерно ещё даст урожай.

Мирра у материалистов

С Матерью мы попадаем в царство другого ритма - глубокого, обширного, безмолвного... но бесстрашного. Да и как обойтись без бесстрашия там, куда шла Она?

Изваяние страсти и несокрушимой силы

Абсолютная мощь властной и мягкой воли

Покой и неистовство богов

Неукротимое и неизменное.* *Савитри

Родилась Она в Париже, 21 февраля 1878 года. В ту пору импрессионисты открыли цвет. Она знала их всех - Моне, Дега, Ренуара, - самой младшей>. Цезарь Франк слагал свои , Роден заканчивал . Та же пора - мягкая ирония Анатоля Франса. Матери была знакома и она. Жюль Верн уже выпустил за 80 дней>. За десять тысяч километров от Парижа жил шестилетний Шри Ауробиндо. Годом позже, в 1879 году он приедет в Англию и останется там на четырнадцать лет.

Она прожила первые восемь лет своей жизни в доме № 62 по бульвару Осман, рядом с магазином . Это здание не сохранилось. Вряд ли обстановка соответствовала Матери, но это, наверное, можно сказать о любом периоде Её жизни. Матильда, Её мать, родилась в Александрии, где, в возрасте семнадцати лет, справила пышную свадьбу с молодым и не слишком удачливым турецким банкиром Морисом Альфасса, рождённым в 1843 году в Адрианаполе. Она-то и была женщиной-властелином, что шло совершенно вразрез с мягким характером бабушки Мирры: , - просто говорила Мать.

Внешность обманчива. Нам хочется считать одну взбалмошной, а другую суровой и властной, словом, представить их себе как два противоположных полюса, однако в обеих бежит один и тот же ток, только окрашен он по-разному - но важно только то, что он всё-таки есть! В Индии его называют Шакти - творческая сила. Матильда, как и Мира Исмаун, была первоклассной Шакти, только для неё всё было сконцентрировано на человеческом прогрессе и воле к совершенству: будут лучше всех. Это была не просто претензия, - рассказывала Мать, - я даже не знаю, что это было. Уж что-что, а в воле ей никак не откажешь! Жуткая воля и твёрдость - как у железного засова! Если уж она что решит, то раз и навсегда. Даже если кто-нибудь умирал бы рядом с ней, она бы не дрогнула. Вот она решила: "Мои дети будут лучше всех," - и дело с концом>. В неясных сумерках, где копошатся человеческие существа, воля к совершенству блеснула, как маленький алмаз, и этого хватило, чтобы в мире появилась Мать, ибо бытие подчиняется совсем не тем законам, которые знают люди, а мы сами движемся как куклы во внешнем мире, и другие глаза следят за нами как светлячки, привлечённые светом, подобным своему собственному. Однако ни Матильда, ни Мать не имели ничего общего со светлячками.

Прежде всего, помпезность Египетского двора Матильда сочла столь же невыносимой, сколь и железный ошейник, одетый обществом на шеи женщин тех времен, однако, вместо того, чтобы последовать царственной манере Миры Исмаун, улыбнуться и показать, что ты выше этих условностей, или даже, напротив, извлечь из них выгоду, она попросту отбросила всё, что не устраивало её. В один прекрасный день разразился скандал: Матильда отказала хедиву в

поклоне, полагая, что это несовместимо с чувством человеческого достоинства. Пришлось укладывать чемоданы. Ей было двадцать лет, у неё уже был ребенок, Маттео (остаётся лишь недоумевать, откуда в Александрии взяться итальянскому имени), старший брат и близкий друг Матери. Их разделяло 18 месяцев: он появился на свет 13 июля 1876 года. Таким образом, Матильда прибыла в Париж в 1877 году только потому, несомненно, что Матери было предназначено родиться на французской земле.

Она ещё и коммунисткой станет, а все благовоспитанные дамы в ту пору скромно занимались вязанием. Коммунисткой Матильда останется до самой смерти - а прожила она восемьдесят восемь лет - она ведь твёрдо решила быть ею. Однако, не все так просто, вот в чём парадокс: для поддержки семейного бюджета Матильда держала кур и продавала яйца. Как-то раз некий отважный фискал решил - он, верно, тоже решал раз и навсегда - взыскать налоги не только за те яйца, что продавались, но и за те, что только можно было продать. Матильда так и не поняла его: мои куры!> Неизвестно, что думал по этому поводу Карл Маркс, неизвестно и то, насколько ортодоксальной коммунисткой была Матильда, но она всегда ненавидела любую ортодоксию, ей всегда была мила только первая часть слова: вперёд, прямо к цели, и никаких разглагольствований.

Жизнь на бульваре Осман подчинялась тому же принципу. Не то, чтобы Матильде не доставало образования, напротив, она была весьма образована, ничуть не менее, чем бабушка, восхищавшаяся Гёте, она была даже умнее, однако жизнь рассматривала как математическую теорему, которую всё время необходимо доказывать: она должна быть точна и неуклонно приближаться к идеальной асимптоте - не Богу (Матильда, естественно, была совершенной атеисткой), но триумфу homo sapiens. Мирре тоже достанется кое-что от этих взглядов, но Она пойдёт дальше. Впрочем, настоящим математиком в доме была не Матильда, а её муж, Морис Альфасса. был первоклассным математиком>, - говорила Мать, но в банковском деле всё обстояло не так гладко (бедняга, это ему, надо думать, совсем не нравилось), так что дела семьи частенько пребывали в плачевном состоянии. Конечно, бедняками они не были и в час нужды могли обратиться к богатой бабушке (она, правда, была не так уж и богата, ибо имела четырёх сыновей, другого>), но такие обращения уязвляли спартанское достоинство Матильды. На бульваре Осман все шли в ногу - даже сын, Маттео, закончит Политехническую школу. Мать же получит жёсткое и суровое воспитание: все фантазии будут исключены, как пустая трата времени, религия - запрещена как предрассудок>, а всё то, чего нельзя увидеть и пощупать, попадёт под отрицание: в болезнях мозга>, - отрежет Матильда. Никаких разговоров, всё решено раз и навсегда. Однако, несмотря на грубую личину, беды тут не было, поскольку без суровой материалистической брони маленькая Мирра просто не выстояла бы против лавины странных переживаний, обрушившейся на Неё в первые же годы жизни. Она попросту пошире открывала глаза и внимательно изучала непривычные явления, как разглядывают под лупой насекомое, но никому ничего не рассказывала, особенно матери - та немедленно потащила бы её к первому попавшемуся врачу.

- говорила Мать, - аскетическая и стоическая мать>. Иногда остаётся лишь удивляться относительности человеческих учений и философий, ибо та же самая Шакти, которая воодушевляла Матильду, в другом месте или под другим небом могла бы сделать из неё с тем же успехом йога в пещере, революционерку не хуже Дантона, физика, не выходящего из лаборатории, а то и просто светскую львицу, подобно Мире Исмаун, штурмующую столицы Европы - только в другом тюрбане. Но она сама избрала свои границы (если только не они сами были избраны для неё) - мы ведь можем хотеть чего угодно и заниматься чем угодно, но всё это - хоть удобные, но только временные плотины в великом Потоке, который течёт и смеётся над словами, найденными нами для него.

И всё же в строгом доме Матильды нашёлся островок воображения - как это не удивительно, он скрывался в голове неудачливого банкира. Нам даже кажется, что этот великий Турок, забытый в багаже Матильды, был вполне приятен собой. Впрочем, он не был лишен скрытых талантов, а кроме того в его характере присутствовало нечто не то кавказское, не то русское, что обычно называют словом . Он был силён, как всякий турок; сжав колени, он заставлял лошадь лечь на землю (Морис Альфасса был неплохим наездником, но верховая езда с точки зрения Матильды была роскошью, потому она скоро запретила её). Учился отец Мирры в Австрии, где нашёл наставников по вольтижировке, и знал немецкий, английский, итальянский и турецкий языки (он быстро натурализовался во Франции)*. *Декретом президента Карно от 28 августа 1890 года. Он твёрдо стоял на ногах. равновесие> - говорила Мать. От отца ей тоже кое-что достанется. только знал массу языков; я не встречала никого с такими способностями к математике... А как он любил птиц! В нашей квартире была особая комната (мать не терпела этого увлечения), а там стояла клетка, полная канареек. Днём он закрывал окна... и выпускал канареек!>

Вероятно, больше поэзии в этом доме не было.

Кроме того, он обожал цирк.

Вот каковы корни маленькой Мирры. Было бы, впрочем, ошибкой пытаться найти здесь Матери. Скорее всего, она вообще необъяснима. А когда нам уже ничего не объяснить, начинается поэзия и - кто знает? - настоящий мир. Мы вспоминаем слова Шри Ауробиндо:

Вселенная - бесконечный маскарад,

Нет ничего, что было бы тем, чем кажется;

Так в мечте видится истина,

Что без мечты не была бы до конца истинной.* *Савитри

Даже если мы вспомним о других корнях Матери - у неё ведь было очень много корней, не только в Европе, даже если пройти её целиком от Уральского хребта до Иберийского полуострова и захватить Долину царей, - даже если вспомнить о законах генетики - господин Мендель в ту пору как раз закончил работу в Брюнне, - даже если заключить её и всех нас в сумрачной крипте генетического лабиринта - он ведь грозит стать нашей последней криптой, которая упокоит нас навеки, - Она была рождена, чтобы сокрушить этот лабиринт, как Мира Исмаун потрясала условности, а Матильда двор хедива, и из этой вывести нас на свежий воздух, к новому человеческому состоянию, или новому миру: желаем подчиняться законам Природы, даже если за миллиарды лет привыкли повиноваться им!>

2

ЕДИНСТВО

Ребёнок - изначальная очевидность всего того, что скрыто нашей культурой. Человеку приходится долго учиться, чтобы разучиться и найти потерянное вновь. Но и это удаётся не всегда, - в таких случаях остаётся только культура, маска, прикрывающая пустоту. К несчастью, нам не всегда удаётся найти ребёнка, который рассказал бы о своем опыте - ведь у всех детей разный опыт; как остриё иглы или как океан, в соответствии с... С чем? Если бы лучше объяснить, в чём тут неравенство, мы бы, может быть, ближе подошли к тайне рождения, чем все законы Менделя, по крайней мере, в том, что касается рода человеческого, ибо есть одна роза, а есть другая. По правде сказать, мы и не знаем, можно ли найти во всей вселенной хотя бы две похожих друг на друга вещи, хотя бы два листка на одном дереве, и мы недоумеваем, какие тут могут быть законы, если только они не выдуманы нами самими: все люди дальтоники, когда речь идёт о цвете, о существовании которого они даже не подозревают. Вот найди мы этот вот

Цвет и этот вот Закон, нам удалось бы обнаружить и то, что даёт жизнь всем формам, - острию иглы и океану, и трепещущему на ветру листку на ветке, - и то, что объединяет весь мир в великом Единстве. Эйнштейну не хватило какой-то мелочи, чтобы завершить теорию. Возможно, эту мелочь даст нам ребёнок.

Стало быть, дело тут не в сомнительных видениях ясновидящих, нет, в этом маленькая Мирра недостатка не знала, - чем необычнее, тем проще, а в конце концов нас ждёт такая простота, что мы и не увидим, насколько она необычна.

Шакти

Надо сказать, порядки в доме Мирры были строги и обращались там с ней достаточно сурово, однако когда Матильда немного перегибала палку, Она садилась на свой маленький детский стульчик и смотрела своими большими переменчивыми глазами - иногда они были золотисто-карими - из-под банта, который стягивал тёмно-рыжие, или, скорее каштановые, позже ставшие янтарными, волосы, и длинной чёлки, как у королевы Тий, - Она смотрела. Мать всегда подолгу смотрела. Ни направо, ни налево, ни даже внутрь, поскольку там - то же самое, что и снаружи. Она не плакала, поскольку это не входило в программу - недаром Она была дочерью Матильды. Она непонимающе глядела на суровый, тёмный и странный мир, где длинные портьеры пахнут нафталином, и грохочут запряжённые четвёркой экипажи. Острота непонимания создавала нечто вроде понимающего непонимания, плотной массы, в которой было... что-то, без мысли (Ей было тогда пять лет), возможно, сама Мирра - немая сосредоточенность. Она жила, отвечала, была. Она рассеивала все призраки. Вот она: сознание. его как свет и силу у себя над головой... Очень приятное ощущение: я сижу на стуле, сделанном специально для меня, одна в комнате, и... (не знаю, что это было, ничто, наверное, нуль для ума) ощущаю над головой сильное и светлое Сознание. Мне казалось, что им я должна жить, быть (ну, конечно, слова тут многого не скажут), и потому я пускала его вниз, ведь для меня оно было единственным основанием, чтобы жить... Порой я не могла отделаться от чувства небывалого удивления. Постоянно я получала удары. Любая вещь, любое событие приходило как удар кинжалом - или кулаком, или дубинкой, - и говорила себе: "Неужели такое возможно?" Понимаешь, низость, ложь, лицемерие... В родителях, в друзьях, куда ни кинь взгляд - везде одно и то же. Как тут не удивляться? В плане разума это не выражалось никак, было только недоумение. Так прошло лет двадцать, или двадцать один год - тогда я встретила Знание, с тем, кто объяснил мне, в чём тут дело и откуда взялось мое недоумение. "Как, это и есть жизнь? Как, это и есть люди? Как?.." Я чувствовала себя избитой и израненной... Поэтому, когда мне было больно, я остерегалась говорить что-либо матери или отцу: отцу до этого дела не было, а мать просто выругала бы меня (это всегда было для неё первым делом), я просто уходила в свою комнату, садилась на стул, собиралась с силами и пыталась понять - по-своему>.

Опыт приобретался сам собой: было только присесть на минутку и почувствовать это, приходящую ко мне силу>.

Самый первый опыт Матери - ключ ко всему остальному.

Да, сила, подобная сознанию - понимало, сила и оказывалась пониманием, чистым и обнажённым, ибо прежде она воспринималась чувственно, - ребёнок ведь всё трогает, чувствует, - как плотность, которую Она пускала вниз и потому наполнялась спокойствием. Когда спускается, человек полон свежестью и светом, как дышащее растение. Шри Ауробиндо будет говорить о . Это - Шакти, движитель миров. Нам не так просто понять её или почувствовать, поскольку мы окутали её словами, мыслями, цветами, политическими или религиозными учениями, или музыкой, и с триумфом говорим: мысль, моя музыка, моё евангелие>, - более или менее громко, в зависимости от интенсивности Потока, но проходит-то именно он, через всё -

атом, растения, галактики... Если вы коснётесь этого здесь, то коснётесь этого и там, за тысячи миль от вас, в самых далёких и потаённых предметах - исчезнет всё далекое, всё потаённое, всё чужое, поскольку всё течёт в этом и через это: Сила-Сознание, Шакти - всеобщий связующий мост, сущность мира. Она - основание Единства мира, которое мы тщетно пытаемся высказать на языке уравнений, братства или машин; все наши телескопы, перископы, телефоны и телевизоры суть неуклюжие сачки, в которые мы пытаемся поймать то, что находится прямо у нас под рукой, перед глазами, в руке, в глазах, или же вообще нигде, ибо поймать его можно и без глаз, и без рук - просто так, лёгким вздохом, вздохом всего мира, ключом ко всему миру и, наконец, - пониманием всего мира. Ну, а пока мы не найдём эту мировую первосущность, можно и не пытаться приблизиться к тому, что мы искусственно отдалили от себя, отрезали, отшвырнули вовне, до тех пор бессмысленно объединять братьев, ведь объединиться они могут только в одном месте; бесполезно ломать границы (или нарушать их - это одно и то же) - исчезнуть они могут только в одном месте; и можно отправляться хоть на Луну, а то и на луны вплоть до самого Судного дня, так и не заполнив наши пустые сердца и умы, ибо заполниться они могут опять-таки только в одном месте, там, где бьётся сердце мира, там, где живёт жизнь, а ветер играет всеми нашими пустыми словами, музыкой, лунами - он-то и создаёт мысли, музыку и вообще всё. Мы - неизвестно что возомнившие о себе инструменты Силы; мы не знаем её, но она-то нас знает хорошо и хочет, возможно, дать нам ещё больше радости, если только мы позволим ей самой делать свою работу вместо того, чтобы без конца мешать ей абсурдными идеями, абсурдными философиями, абсурдными религиями, и прочими глупостями, которые, как мы начинаем понимать, никого не спасут, ничего не значат и ни на что не пригодны.

Все йогические упражнения и медитации, все наши усилия - в конце концов, не более чем средство утихомирить нашу поверхностную самонадеянность и заносчивость, ментальную машину, всё на свете скрывающую, запечатывающую, разделяющую: когда она спокойна, приходит всё. Ребёнок знает это, как знала это Мирра, но как только он получает способность высказать своё знание, он теряет контакт, и ему приходится переделывать всё, точнее, уничтожать уже достигнутое. Мы-то думаем, что в этом мире у нас масса дел, а на самом деле нам надо разрушить всё, прежде чем мы получим первое слово о знании, организации и силе. Однако, разрушение приносит боль, которая доходит до самых клеток. Прежде, чем мы сможем уловить великий Поток в его бессмертной и безграничной чистоте, мы должны уничтожить что-то очень и очень важное:

Всемогущие силы заперты в клетках Природы.* *Савитри

Вот вся жизнь Матери, все её труды на протяжении девяносто пяти лет, точнее девяноста, ибо начались они, когда Ей было пять лет: этом я и думала, только этого и желала, меня ничего больше не занимало, и я ни на минуту не забывала, что хочу этого. Никогда не случалось так, чтобы я забыла, а потом вдруг вспомнила: без конца, и днём, и ночью... а прошло ведь уже семьдесят лет>, - говорила Она. Мать без усталости повторяла детям Ашрама: выбраться из своей скорлупы; вы полностью заперты в неё и на всё натываетесь - понимаете, как мотыльки, бьющиеся о стекло лампы? ...Сознание человека похоже на мотылька: то там ударится, то там, ведь всё ему чуждо. Вместо того, чтобы наткаться на вещи, надо войти в них, и тогда они станут частью вас самих. Вы расширяетесь, у вас появляется воздух, чтобы дышать, пространство, чтобы двигаться, и вы больше ни на что не натываетесь; вы входите, проникаете, понимаете и живёте одновременно во многих местах>.

Собственно, Мирра и жила разом во многих местах, и это касается не только пространства, но и времени, ведь прошлое и будущее, как мы их называем, на самом деле, возможно, отделены друг от друга и от настоящего не более, чем наш сосед от нас, или отец от матери, или котёнок, бегущий по крыше. Нам придётся отучиться от всего, что мы узнали о мире, чтобы постичь

настоящий мир и настоящее время - оно ведь не имеет никакого отношения к часам и гробам, - и настоящее пространство, в котором мы повсюду будем чувствовать себя дома. А для этого нужно знать средство достижения, надо познакомиться с великой Шакти и узнать, что это такое. Надо научиться иному образу существования. Наставниками вполне могут быть и дети, поскольку для ребёнка во всех этих вещах нет ничего необычного, пока он не испорчен воспитанием. С Миррой путешествовать хорошо. В её великом лесу таится множество тайн и множество измерений. Только это нужно испытать самому, мало просто читать книги: они оставляют человека в прежней неопределённости, в прежнем смертном облике, при прежнем фальшивом течении времени, несущем только нашу боль и жизнь, которой вроде как и нет вовсе. Нужно идти с Миррой, нужно быть с Ней. Странно - хотя, что тут странного? - первое школьное сочинение Мирры, написанное в конце прошлого века, заканчивается следующими словами: в настоящем, иди к будущему!>

Будущее же может пробиться и в настоящем.

Пляска вибраций

Как и Мира Исмалун, маленькая Мирра не выносила никаких границ, однако наиболее глубоко чувствовала она не искусственные рубежи, которыми люди опутали матушку Землю, а куда более реальные ограничения, которые мы сами налагаем на себя. На них Она натыкалась повсюду: мать, отец, подружки, вообще всё, куда ни глянь: ступишь за пределами тела, всюду боль, - говорила Она. - Иногда соприкасаешься с приятной, гармоничной, тёплой, ярко светящейся субстанцией, но это случается редко. Вот цветы - да, хотя и не всегда. Но материальный мир... Шагу не ступишь - везде получаешь царапины, удары, ссадины; ни одна вещь не раскроется - вот как замкнута человеческая жизнь! Она зажата, невыносима, ни света, ни тепла, я уж не говорю о радости>. Она наблюдала. Она рассматривала каждую вещь. Она всё время пыталась разгадать загадку человека. Наощупь Она изучала, как работает великая Шакти.

Семья переселилась с бульвара Осман на площадь де Руль, в дом № 3, где Мирра прожила до девятнадцати лет (в этом возрасте Она вышла замуж), но особых перемен не случилось, поменялись только занавески и стены. Но пристальный взгляд стал ещё острее, и Сила спустилась к Ней и стала ещё интенсивнее, она циркулировала, двигалась, ей можно было управлять. Потом Она увидела, что и с другими происходит то же самое, только с другой интенсивностью - сила двигалась, приходила, уходила, а всё не то жило в ней, не то приводилось ею в движение. Так откуда же стены? Мирра наблюдала, и это зрелище было куда интереснее цирка, куда брал Её отец, или болтовни с подружками. Однако Матильда (кто бы говорил!) однажды взорвалась: - чудовище, у тебя нет чувств!> Что до чувств, то Она находила их столь же стереотипными и грубыми, сколь и стены; Она полагала, что это ещё один способ строительства стен вокруг себя. Поэтому Мирра промолчала. Она вглядывалась - и люди вокруг считали это невыносимым, поскольку наиболее невыносимо то, что отличается от вас: это не сожрать, вот люди и царапаются, и лягаются - они хотят силой взять то, что уходит от них, и это всего-навсего обратная сторона, в отсутствии которых они упрекают вас: добрые порывы, даже привязанность, даже влюблённость и прочие нежные чувства - все они похожи на удар палкой>. Вот так. Мирра неустанно разглядывала мир, чтобы понять его. Она замечала, что всё, исходящее от людей, а иногда даже и от предметов, на разных уровнях затрагивало её, точнее то, которое воспринимало движение (мысли, чувства, слова, даже молчание - даже человеческого присутствия) и отзывалось. Дело тут не только в разных уровнях; даже то, что дрожало, было разным. Мирра открывала таким образом вибрации и тщательно, как химик в лаборатории следит за реакциями, измеряет валентность элементов, изучала их. Невольно Она обнаружила

знаменитые или чакры, о которых часто повествует индийская литература. И всё же, всё составляло лишь разновидность единого Движения, и, то витавшая над Ней, то живущая в Ней, в людях и вещах вокруг, была его частью. Она циркулировала, а Мирра воспринимала её с удивлением и интересом; стенки же казались... такими странными. Однажды родители повели девочку посмотреть на умершего родственника (Матильда, верно, хотела вселить в дочь свой собственный стоический дух). не заинтересовал Мирру, и не вызвал в ней никаких особенных чувств, и всё же ни с того, ни с сего на глаза навернулись слёзы, горло сжалось - Ей хотелось плакать, будто Она была охвачена величайшим горем. Это происшествие удивило её, я поняла: как, их скорбь вошла в меня?!> Это циркулирует, движется, входит, выходит, переходит от человека к человеку, и всё едино - мы, по Её словам, подобны Вибрации перемещаются в едином и абсолютно однородном поле. Только их сложность и взаимовлияние создают впечатление их независимости. Нет ничего независимого и отдельного: есть только одно вещество, одна сила, одно сознание, - одна воля идёт по бесконечным путям бытия>.

Мирре совсем не нравилось уподобляться базарной площади и предаваться чужому горю или гневу Маттео, Её брата: серьёзный мальчик, до чего прилежный - это даже пугало! А при этом очень сильный характер, сильная воля, да и было в нём что-то интересное (когда он готовился к поступлению в Политехническую школу, я готовилась вместе с ним, потому что меня это занимало). Мы были очень близки (разница в возрасте составляла всего восемнадцать месяцев), а его жестокость при потрясающей силе воли привела к тому, что он трижды едва не убил меня. На третий раз мать сказала: "В следующий раз ты точно убьёшь её," - и он решил, что это больше не повторится - вот и не повторилось>. Что и говорить, энергичные люди были в этой семье. Однако, когда Маттео охватывал гнев, Она чувствовала дрожь в центре нижней части живота: таких центров было множество и они походили на узлы дрожи или вибраций; они получали извне или сами испускали более или менее сильную, в зависимости от уровней, дрожь. Иногда (но это относилось к самым высоким узлам) дрожь бывала приятной. Она хорошо изучила это явление - вместо того, чтобы улавливать чужую вибрацию и, вслед за братом, впадать в гнев, проще было отключить ток. В волевом усилии (так делал Маттео) никакой нужды не было: ток просто отключался. Больше он не проходил. Так Она открыла вибраций: заразные - а сколько их! - Пляска вибраций>. Но Ей-то не хотелось подхватывать симпатическую (или антипатическую) болезнь соседа - Мирра хотела быть хозяйкой в своем собственном доме, а не поплавок в море. и с научной достоверностью изучить все свойства вибраций. Когда вы подходите к этому с научной точки зрения, - говорила Она, - вы уже не поплавок, который волны мотают то в одну сторону, то в другую. В Природе (О, Природа, - вот уж кто любит позабавиться с людьми! Боже, когда видишь это, то одного зрелища хватает, чтобы стать бунтовщиком. Не понимаю, как это люди до сих пор терпят), идет волна желаний, и люди, как стадо баранов, несутся по воле своих желаний; идет волна насилия, и все неистовствуют, как то же самое стадо баранов, и так всегда, во всём. Злость! Природа щёлкнет пальцами, и все не помнят себя от ярости. Стоит ей из прихоти махнуть рукой - и толпы людей следуют за ней>.

Мирре было мало просто отключить ток. Она обнаружила, что им можно управлять. Вместо того, чтобы копить его в голове - в результате начинается, как она говорила, - ток можно отводить на любые другие уровни и даже проецировать вовне, на людей или на события, причем не без последствий; на уровне сердца или ещё глубже он становился приятным и широким, обретая ритм . Это ток, поток, Шакти сама по себе. Мирре совершенно не нравились человеческие краски, подмешанные в этот поток, всё замутнялось так, что ничего не разберёшь: так камень разбивает гладь пруда. Нужно быть спокойным и чистым, чтобы Шакти шла без деформаций. Мирре нужен был чистый поток - так гораздо приятнее: человек танцует, он становится легче. Она хорошо изучила путь Шакти и увидела, что, в зависимости от уровня,

Шакти облачалась то в чувства, то в мысли, то в желания - она тяжелела, угасала, принимала любой возможный цвет, но уже не была просто цветом, и мир оттого как бы обесцвечивался; поток становился серым и плотным - то есть, мутным. Мыслей становилось больше, он тяжелел, усложнялся, и вдруг пух! Она дунула на него, и он стал как зеркало - чистым, ясным и прозрачным. Мир становился удивительно простым. В этой необыкновенной простоте всё как по мановению волшебной палочки становилось на свои места. Если была нужда в знании, то Поток говорил всё, что нужно: он ронял капельки слов - цвета будто бы растил слова, будто бы поливал их - так приходили слова. Они пускались в пляс, начиналось что-то вроде кадрили, и когда кадрили складывалась, фраза становилась ясной. Это чудесно, Правда, чудесно - будто игра блуждающих огоньков: они появляются то тут, то там, танцуют, переплетаются - просто чудо!> А если есть нужда сделать что-нибудь, то он помогает, и об этом даже не надо думать - он толкнёт здесь, потянет там, он оттолкнёт тех, с кем не к чему встречаться, или, наоборот, притянет - он притягивает даже обстоятельства. Всё образуется совсем по-другому: это другой образ существования, или другой ритм - почти что чудо (но мы не знаем, почему говорим). Это и есть чудо, только такое естественное, что мы не говорим о нём и почти даже не замечаем его (за исключением разве что Мирры - Она-то всегда видела это своими огромными серыми глазами, которые иногда приобретали изумрудный, или чёрный, или небесно-голубой оттенок - странные глаза, они меняли цвет, сообразно... может быть, с дождиком света или с уровнем, с которого Она смотрела), мы не замечаем несчетных чудес. В общем, суета идет от ума, и нужны тоже ему, ибо простое чудо, в котором он живёт, начисто скрыто от него. Вот он и изобретает машины - он хочет заменить воздух, которым он дышит. Впрочем, дышать ему тяжело, он едва не задыхается, однако, кажется, что именно удушье даёт ему ощущение жизни. Станный мир. Мирра охотно соглашалась с этой точкой зрения.

Тщательное изучение мира не ограничивалось ни для Неё, ни для других только осязательным зрением вибраций (так Она сама позже назовет это явление, поскольку здесь речь идёт об осязании и зрении, расположенном не в глазах, а во всём теле сразу; в клетках словно мерцают тысячи маленьких глаз, и мы полагаем, человеческие глаза являются просто-напросто, так сказать, эволюционной условностью, а на самом деле видеть можно повсюду, на всех многоцветных уровнях, по примеру вечно изменчивых глаз Матери; только лень заставила нас заикнуться на внешних глазах - мы ведь вообще имеем обыкновение на чём-нибудь заикливаться, а затем торжественно объявлять: , - это и правда закон, но только нашей собственной лени). Она наблюдала за всем; для Неё не было ничего неживого. Она молча прогуливалась по Тюильрийскому саду, по Булонскому лесу, по Зоологическому саду, держась за руку огромного турка, и повсюду видела один и тот же Поток - он тёк сквозь каждую вещь и перекидывал мост между Ней и миром, а если Её взгляд надолго и безмолвно (любая мысль мутила всё) задерживался на цветке, дереве, питоне в Зоологическом саду, Она довольно скоро ощущала ответ, связь, обмен - что-то вздрагивало на том или ином уровне; наверное, это похоже на язык без слов, или, скорее, на запах, несущий смысл, будто он тоже был языком; на самом деле, всё является языком: формы, движения, цвета - всё говорит, только мы забыли это наречие! Это всеобщий язык, ибо, в действительности, есть только он - язык Сознания. Когда мы забываем его, мы начинаем громоздить Вавилонские башни. Целая гамма вызывала у Неё интерес: напоминают различия во вкусе. Сами по себе вибрации суть только вибрации, но отличаются друг от друга, как различаются цвета, или вкус, или интенсивность, или даже сила - конечно, это качественные различия, забывать о них нельзя... Не знаю, как это различие называется по-научному, но оно есть. Это только ощущение, но... у некоторых вибраций пики сглажены. Некоторые идут горизонтально, другие - вертикально. А иные... будто рассматриваешь их через мощнейший микроскоп. Одни сглаженные, другие острые, одни

темнее, другие светлее. Некоторые беспокоят тело, а иные даже кажутся опасными. Настоящая химия вибраций>, - вскоре скажет Она.

Но особенно Её интересовали цветы (и кошки, но в ином аспекте). Она чувствовала, что в цветах сила течёт по-особому, там она чиста, а кроме того у цветов было особое качество вибраций - как-никак, говорящий запах, - и они раскрывали Ей свой смысл и воздействовали на клетки Её тела: , - говорила Она о маленьком жёлтом цветке с круглыми лепестками, похожем на маргаритку, - однажды с помощью него я вылечилась от насморка>. Позже Она даст имена сотням цветов, отмечая качества вибраций, которые они пробуждали в ней: ! Преданность!> - воскликнула Она однажды, уже в Индии, взяв в руки веточку базилика... Он дрожит, он что-то означает - всё означает что-то. , , , , , клетках>, , материи>, , и так далее. А маленький жёлтый, похожий на маргаритку цветок Она назвала , Природе сознательны. Цвет, запах, форма - всё непосредственно выражает истинное движение>. Великий лес Матери полон неожиданных запахов. дают вам облегчение, будто раскрывают новые горизонты - они облегчают вас, дают радость, - а другие раздражают (я научилась не чувствовать их); что до отвратительных запахов, то я их чувствую только тогда, когда желаю этого - например, мне надо что-то узнать...>, К несчастью, запах есть и у людей - говорила Мать: приближаются ко мне, я чувствую их психологическое состояние; дело тут в запахе - это очень специфические ароматы, целая гамма>, Человеческие существа пахнут, вероятно, не так приятно, как цветы, но причина этого, скорее всего, в том, что они забыли, в чём суть аромата любого существа - его настоящего цвета, его чистой вибрации - внутренний звук, как бы музыка сверчков или мангустов, или же никакой музыки вообще. Это наше природное имя. Один ребёнок спросил у Матери, почему цветок отражает определённый цвет спектра и оттого кажется красным, голубым, жёлтым или белым, отбрасывая все остальные, и Она ответила: , что дело в расположении атомов, но я скажу, что дело - в природе дыхания цветка>. Это настоящее дыхание мира. Дыхание - это ритм истины, чистое течение великой Шакти, запах всех запахов, настоящий цвет вещей, смысл, всему дающий смысл.

Великий материнский язык мира.

Великое тело

Уже можно представить себе, насколько исключительными и необыкновенными были опыты маленькой Мирры, и действительно, острота восприятия вибраций с годами выросла до удивительных масштабов, как это показывает история, рассказанная нам Матерью в один ноябрьский вечер в 1964 году: раннего детства я была очень чувствительна к составу воздуха. Так сказать, каждый "воздух" имеет свой вкус, цвет, качество, и я настолько хорошо запомнила их, что иногда говорила: "Смотри-ка, воздух той местности (я же была ребенком) или того места донёсся сюда". Восприятие было очень острым; например, если я переезжала из одного места в другое, то перемена воздуха могла вылечить болезнь. Вот так... Скажем, несколько дней назад я сказала себе - окружающим я, конечно, ничего не говорила, - "В воздухе что-то появилось", - знаешь, что-то неприятное, вредное, и я чувствовала его запах, очень тонкий, не физический, оно обладало силой отделять ментальные вибрации от физических... словом, очень вредный элемент. Я тут же принялась за работу, всю ночь я пыталась противостоять ему. Я подбирала высшие вибрации, ища среди них ту, что сумеет победить, и в конце концов очистила атмосферу. Но воспоминание осталось - очень чёткое воспоминание. А совсем недавно мне сказали, что китайцы взорвали на севере Индии атомную бомбу. Когда я услышала об этом, то моментально вспомнила "запах">. В этой микроскопической точности нет ничего удивительного, на самом деле это вполне естественный опыт для всех... кроме рода

человеческого.

Она читала великую Книгу вселенной, полную растений, белок и толстых питонов, и вглядывалась в её страницы, или, скорее, спокойно (Она ведь ничего не боялась) испытывала (в этот, наверное, миг Её глаза становились изумрудно-зелёными); Она двигалась в соответствии с ритмическим законом, направлявшим Её прямо к тому, что было Ей необходимо, к желанной встрече, нужному опыту, к тысячам путей великого Потока, опустившего Её на гравий в лесу Фонтенбло - , что такое французский гравий?> - без единой царапины с высоты в десять футов. Она жила с великой Шакти, плыла в её безраздельном Единстве. Об говорят только оттого, что мы в совершенстве изучили искусство придумывать красивые слова для всего непонятого, подобно колдуну, изгоняющему (лучше на греко-латинском наречии) все эти злые неприятные штучки, никак не уместяющиеся в наши неритмические законы, однако, как только мы обретём этот самый инстинкт и вспомним отца отцов, родившего сына сыновей, в конце концов, мы окажемся в великой изначальной Целостности, где существа ещё не стали людьми, и не заросли новыми корками, и свободно двигаются среди высоких папоротников и блуждающих звёзд, и одним единым телом идут прямо к своей цели. Можно только спросить - и это единственный уместный вопрос - отчего Природа, всегда отлично знающая, что она делает и никогда не упускающая случая расширить границы своего королевства, - отчего Природа вырастила эти вот экраны - первый мозг, второй, третий, прямо как взрыв - всё более тонкие, сжатые, упакованные один в другом, покрывающие наши рептильные восприятия (мезэнцефалические, если нам нравится греко-латинское наречие) - затем мозг , и наконец наш мозг с долями и дольками, который почти как раковая опухоль покрывает всё и делает из нас homo sapiens - ценой отрыва от всего, ибо осознает только свое собственное горе в своей собственной клетке, хотя он и располагает целой грудой приспособлений, заменяющих то, чего уже не увидишь, не потрогаешь и не узнаешь ? Мы не знаем мира, нам знаком только его перевод на мозговой язык. Никакая это не , это полнейший и окончательный отрыв от великого Земного Тела - вот вся наша боль и вся наша нищета. Возможно, Природа поставила этот вопрос потому, что мы должны ответить только на него, будто она создает для того, чтобы достичь большего совершенства>. А может быть, её мир был слишком широк для населявших его стад бизонов и колоний простейших, перемещавшихся в великом тёмном Телe и слепо следовавших Закону сообразно с основами коммунизма, куда более древнего, чем наш; может быть, дугу пришлось разделить на маленькие, изолированные секторы, чтобы скрыть слишком великую необъятность, слишком широкий вид, чтобы умерить слишком, возможно, яркий свет, и создать индивидуумов, которые считали бы себя отдельными единствами и постигали бы себя, исходя из собственных границ. Но когда кривая со всеми своими ответвлениями, ставящими множество вопросов, и создающими множество проблем, и всё больше и больше отделённых друг от друга, ломающих себе головы и перепуганных индивидуумов, когда эта кривая была вычерчена, когда мы узнали, что ничего не знаем и ни на что не способны, но при этом мы составляем один индивидуум, а он богаче всех наших горестей и всех наших вопросов, которые в конце концов зажигают странный огонь в несуществующей лампе, вроде бы пробивающийся наугад даже сквозь старые стены и слепо пробивающийся к великому огню, подобному ему самому, и понимающий без слов, и стремящийся - к большему пространству, к большей истине, большему свету и зрению, - тогда, возможно, на долгом эволюционном пути начнется этап, когда Поток пройдёт сквозь другие, не столь ограниченные, центры и разобьёт преграды, выйдет из ментальной куколки, которой Мать Природа защитила нас от преждевременного рождения, и вернётся в великое Тело, но ни мистически, ни космически, ни демократически не потеряет при этом ничтожную точку индивидуальности, воздвигнутую ценой величайшей муки, ибо в том, наверное, и состоит великий эволюционный проект, будущее супраментальное , возвещённое Матерью и Шри

Ауробиндо, чтобы новое существо сознанием точки, так и сознанием целого>.

Причем обладало на физическом, клеточном уровне.

Человек должен сознавать целое.

Каждый человек должен сознавать целое.

только в простом разрушении иллюзорной раковины индивидуальности в Бесконечном, - писал Шри Ауробиндо, - Быть, причём быть сполна - вот цель, которую Природа преследует в нас... а быть сполна означает быть всем сущим>.

Тогда высохнут все наши слёзы, страдания возместятся широкой улыбкой, невидящие глаза вспыхнут тысячами видимых и невидимых цветов, изгнанных до времени нами, и бесподобным Цветом; мы постигнем Закон ритма, бьющегося во всём, тихую музыку в глубине, везде узнающую себя же саму, единую вибрацию, которая есть мы сами, и которая каждый миг без преград и окольных путей проходит повсюду - сквозь все времена, пространства, города, моря и леса великой Шаки к своей цели - радости.

3

КРЫЛЬЯ И ПОЛЁТЫ ШАКТИ

На самом деле, строгая семья Мирры оказалась прекрасной естественной почвой: подражать было нечему, за исключением вкуса к Материи вместе со всем, что мог посеять ветер, если только семена не дремали уже в самой почве, но откуда тогда они взялись? Загадочен этот ветер, да и дул он не с Урала, а из краев куда более далеких, не говоря уж о хромосомах; почему только было избрано именно это поле, лежащее между канарейками Большого Турка и теоремами Матильды? Более того, всякую там математику любила и Она, подросшая уже маленькая Мирра: ! Я понимала, что смысл в этом есть!>

Другая гравитация

Однако, на этой дикой земле происходили события, имевшие весьма слабое отношение к математике и плохо совместимые с законами Ньютона, - Мать никогда не любила законов, ни моральных, ни физических, за что её часто упрекали: , это против правил! - воскликнула Она как-то раз в присутствии некоего лица, весьма этим потрясённого. - Всё, что я делаю - против правил, так уж у меня заведено! Иначе зачем я здесь? Правила могли бы продолжать свое правление!> Мы уже упоминали о происшествии в лесу Фонтенбло, когда Она, убегая куда глаза глядят от подружек, сначала выскочила на обрыв, а затем оказалась на дороге, покрытой гравием - Мирра не смогла удержаться наверху и упала: ! И я полетела. Мне было лет десять, может быть, одиннадцать, словом, ни о каких там чудесах я и не думала - просто полетела и всё. Я чувствовала, как что-то поддерживает меня, несёт и буквально опускает на землю. На камни>. Эту историю можно связать с чем угодно, но интереснее всего в ней следующее замечание Мирры: , я не видела в этом ничего сверхъестественного! Ни царапинки, ни пылинки, я цела и невредима. Я падала медленно-медленно. Когда люди сбегались, чтобы посмотреть, что произошло, я сказала: "Всё в порядке! Со мной ничего не случилось">. Вот именно, , никакой мысли - в том-то и дело, что мыслей не было; задумайся Она хоть на секунду, и Её нос был бы расквашен, а то и похуже. Откуда же берётся это самое ? Не думайте о нём, и оно минует вас. Считайте, что всё идет нормальным порядком, и вас, в полном соответствии с ним, что-то поддержит в воздухе. Это просто. Сама простота. Может быть, гравитация существует только в наших головах? Или, может быть, существует и другая гравитация?

Однажды Мать со своей обычной простотой сказала мне: знала правил, поэтому мне даже

не приходилось с ними бороться!>

Другой случай (вообще-то их было множество) произошёл в большой гостиной на площади Руль. Она была весьма вычурна и довольно скучна, но только не тогда, когда там бывала Мирра - Она ничего не говорила, никогда не говорила, непокорная молчаливица: Она делала. увидите, как надо танцевать>, - подружки встали в круг, столики в стиле Людовика XV (или Людовика XVIII, какая разница) были отодвинуты, и... - в угол, чтобы у меня было больше места, и сказала подружкам: "С одного прыжка я окажусь в центре комнаты", - и прыгнула (а в длину в гостиной было больше десяти метров)! Я даже не заметила своего прыжка - я будто танцевала на носочках, и приземлилась я на носки, прыгнула ещё раз и оказалась в противоположном углу гостиной, а это не под силу даже чемпиону... Я даже не бежала, просто стояла в углу, а потом хоп! (я сказала себе !>, но, конечно, не вслух) и фпр! - опустилась на цыпочки, опять прыгнула и приземлилась в другом углу. Ясное дело, меня перенесли>. Мирра добавила: случилось сколько угодно, и я не находила в них ничего особенного: мне не казалось, что я совершаю чудо - всё было в порядке вещей>. Подумай Она, что это чудо, бы не было, и Она растянулась бы посреди гостиной. Быть может, чудесное мы изобретаем как некую неправдоподобную ложь для нашей машины истины - или эта машина оказывается в универсуме без сучков и задоринок, хотя бы и ньютоновских? Мать замечает: момент душа была живой как никогда [для этого совершенно естественного явления у Неё, вероятно, даже не было имени, но найди Она имя, душа ринулась бы прочь с быстротой лани из леса Фонтенбло, обычно сопровождавшей Её на прогулках], она всеми силами сопротивлялась вторжению материальной логики мира - мне-то это происшествие казалось совершенно естественным. Я просто сказала себе: , никаких несчастных случаев>. Иногда задумаешься поневоле, уж не происходят ли все несчастные случаи только в нашей голове? Мы хотим проследить именно . Интересны-то, в конце концов, не банальные истории, а зерно, которое Они содержат; правда - семьдесят пять лет спустя, вспоминая о своих воздушных и танцевальных подвигах, Мать заметила странную связь между загадочной не-гравитацией и неким внутренним центром около сердца (тогда Она уже вполне ясно ощущала его), он создавал движение, подобное взмахам крыльев>, но к этому самому центру Она тянула Шакти, желая отринуть от себя приступы гнева Маттео или упреки Матильды: самая вибрация>. Возможно, существует некий тип вибрации, неподвластный ни Ньютону, ни нашим законам.

Надо изучить закон .

Прежде всего скажем, однако, что дело не столько в том, чтобы научиться летать, сколько в том, чтобы избавиться от удушающей машины, скрывающей от нас более реальную жизнь. Где реальность, где? Где реальная жизнь, где настоящая жизнь? Вот этот вопрос и возник перед двенадцатилетней Миррой, внезапный, как революция: совсем маленькой, а мне рассказывали, что всё есть (так выражались в то время). Мне говорят: "Видишь стол? Ты думаешь, что это стол, что он твёрдый, что он сделан из дерева, но на самом деле это только движение атомов". Помнится, когда я впервые услышала об этом, в голове у меня всё перевернулось и появилось ощущение, что весь мир нереален. Я мигом ответила: "Если это так, то ничего истинного нет!"> Это был первый решительный эксперимент Матери. Здесь и открылась первая настоящая страница её жизни и началась охота на лживые видимости, которая продлится более восьмидесяти лет. Глобальное переосмысление не метафизики, не мистики, но предельно материальных вопросов. Какова материальная реальность земли? Настоящей земли?

Что истинно? Атомы, стол, или ковёр-самолёт Али-Бабы?.. Может быть, истинно всё - и атомы, и стол, и ковёр-самолёт, - плюс ещё что-то, что скрепляет их в одном и том же всеобъемлющем зрении - мы ещё можем прийти к нему, когда нам достанет разделяющей работы разума? Нужно найти . Нужно видеть вместе с Миррой. Что за другой способ? Пока и не скажешь. По пути мы, может быть, узнаем, и весь мир окажется изменённым - кто может

поручиться? - это чудо куда грандиознее яблока Ньютона, прославившегося своей удручающей привычкой падать на голову. А может быть, изменение ждёт лишь старую привычку, защиту в новой коре нашего мозга - может быть, если только не придётся спуститься до самых клеток и покончить с их памятью, злобной и злопамятной, сбросившей нас в пропасть. Да почему же пропасть; Мать Природа, как мы знаем, не делает ненужных поворотов, и любая её бездна скрывает тайную и пока незавершённую вершину. Но мы забегаем вперёд.

Другая история

Не только время, но и пространство легко вело себя с Миррой. Ну да, всё легко и прозрачно, когда легки мы сами, и зачем нам пытаться улучшить мир, если очистить надо только самый первый мир? Мы маршируем как оловянные солдатики во внешнем мире, а внутри течёт великая история мира - единственная нить, соединяющая все на свете истории. Вот она, нить, но куда уж нам, поглощённым своими неразрешимыми проблемами (на самом деле все они проистекают только из нашего ложного зрения), принять ее всерьёз?! Маленькую Мирру отдали в школу: полагала, что не пристало девочке ходить в лицей!> - в , кажется, и там Она, как и все, старательно изучала поддельный мир географических карт, атомов и - в конце концов мы обычно узнаём, что не такие уж они и великие, эти эпохи, а об атомах нельзя даже сказать с уверенностью, что они не оказываются маской для чего-нибудь другого, под чем скрывается ещё что-то - но где же Вещь? Конечно, мы строим целые цепочки истин; пока они тянутся, по непогрешимости они не уступают ни Папе Римскому, ни Сорбонне, но вот мы идём дальше, и новые истины оказываются столь же непоколебимыми, пока не проходит и их время, а в ожидании этого момента мы покрываемся ржавчиной от кончика носа до костного мозга, - вот они, наука и история для всех, но только не для Мирры. Её так просто не обманешь. А История представлялась для Неё в виде странных, невинных картинок: , а книга ни с того, ни с сего становилась как бы прозрачной, и слова тоже - я видела либо другие слова, либо образы>. История ожила. Она пустилась в пляс и рассказывала не совсем то, о чём говорила типографская краска страниц. Только не думайте, что Мать присутствовала при (откуда нам знать, где он случается, и что он такое?). Она-то находила это столь же естественным, как понимать зверей, чувствовать то же, что и цветы, или летать над дорогами: имею, что со мной происходило, всё казалось настолько нормальным, что я полагала, будто все переживают то же самое. Я была в большой дружбе со своим братом и сообщила ему: "Понимаешь, История - это сплошные глупости: книги говорят, что дело было так, а на самом деле всё обстояло иначе!" Я не раз делала предельно точные поправки>.

Да и не только книги; для Неё прозрачны были и животные, и вообще всё: в любой местности и прошлое и настоящее как бы сосуществовали одновременно, а может быть, к ним добавлялось ещё и будущее. Если бы мы всматривались в него, оно, наверное, пришло бы быстрее, проломило бы тонкую корку настоящего, не более толстую, чем страницу учебника истории, и вспыхнуло бы солнечными лучами. Ночью Она отправилась со своими подружками в Версаль: огнями (то есть, электрический свет погас), самыми разными огнями - фонари, переносные лампы... По аллеям гуляли люди в костюмах эпохи Людовика XIV! Я смотрела во все глаза и держалась за парашют, чтобы не упасть, ведь я даже не могла поручиться за то, что это - я! Я смотрела на людей и вдруг увидела саму себя: я беседовала с двумя братьями-скульпторами... [Мать тщетно пытается вспомнить их имена] Значит, там я кем-то была (не помню уже, кем точно)... В ту ночь в Версале были самые разные люди, и среди них - я>.

Кем было это ?.. Даже для Мирры этот вопрос оказался сложным, но не тупиковым - просто предмет до мельчайших подробностей. Для Неё мир не был жёсткой, линейно

разворачивающейся, данностью - куда ни посмотри, всюду впадины, ухабы, бездны и неожиданные трясины - . Странные , одетые во всевозможные костюмы, дождём падали на Неё, да и с обычными предметами дело обстояло не так просто - они не желали оставаться в каменных или кристаллических клетках, они оживали и принимались за свои истории, только без слов, ибо слова созданы для учёных людей, которые так хорошо знают мир, что давно упрятали его в словарь; нет, вещи рассказывали свои истории наподобие обезьяны, хризантемы или питона, на языке камней, прекрасно знающих, что такое движение (тут ученые согласны с нами), только не атомов, а сознания, которое оказывается сознанием всего мира, ибо оно одно, а пальчики, глядящие сегодня аметист или драгоценности древнего Египта, в своих клетках хранят ту самую память о старом друге, что и камни в своих атомах (предметы ведь тоже имеют воспоминания, даже дома и места). У нас много старых друзей, может быть, весь мир - наш старинный приятель, только мы забыли язык встреч. Она ходила в Лувр, в музей Гиме, и вещи, которыми пользовалась во время оно. Позже я распутала этот клубок>. А в музее Гиме мумия мигом поведала Ей свою историю: контакт случился в восемь или десять лет в музее Гиме. Там были две мумии: от одной уже ничего не осталось, но вторая сохранила настолько ясный "дух формы", что человек мог вступить с ней в сознательный контакт>... Мать простодушно добавила: , когда толпа идиотов подходит к тебе, смотрит на тебя круглыми глазами, ничего не понимает и говорит: "Он похож на то, он похож на это", - приятного тут мало>. Вот так. Однако даже мумия может иногда встретить собеседника, способного понять её.

Если бы Матери сообщили о , то вполне вероятно, что пришла бы Её очередь делать круглые глаза, однако сейчас мы находимся в веке Тэна и Ренана, причём с одной стороны стоит Матильда, а с другой - её супруг-банкир. Но в возрасте Мирры ничего удивительного в этом случае не было, просто Природа решила вести себя немного иначе, но это не более диковинно, чем дамы, гуляющие с раскрытыми зонтиками у собора Сен-Филипп дю Руль в воскресный вечер. В любом случае, Она, слава Богу, не имела ни малейшего желания рассказывать о своих переживаниях окружающим: свято соблюдала табу: к этому даже подступаться нельзя, иначе сойдёшь с ума!> Таким образом, Её опыты могли разворачиваться свободно, без помех и критики, подобно причудливой петунии в здоровомыслящих позитивистских клумбах XIX столетия. По примеру Матильды можно говорить о умственном расстройстве или болезненном воображении, но Мать ответит: что? Лишь бы ваше воображение толкало вас вперёд!> Она никогда не утверждала, что человек должен - хоть в Бога, хоть в дьявола, - просто каждый должен иметь свой собственный опыт: опыт>, - говорила Она, вот и всё. ; она находится за вершинами, но к вершине каждый может прийти своим путём и покорить свою, а не чужую, гору>.

Заметим, что Она сказала , Она, вскормленная точными науками; что-то здесь звучит странновато, как и Миры Исмалун. Одно, наверное, лишь изнанка другого, либо... его обязательное дополнение.

Однако гора маленькой Мирры заслуживает взгляда, ибо он может хоть немного осветить причудливые галереи наших кротовых ходов, выходящих на поверхность то здесь, то там, то в XIX, то в XX веке, то на полях Франции, то в Патагонии, - внезапно, неизвестно отчего, как лучик, и выносящих на свет странные костюмы и целую грудку старья, или влечений; мы чувствуем, что они возникли не здесь, а где-то далеко, но вот где именно, как? - ведь мы-то здесь, во внешнем мире, стоим, как забывчивые путешественники среди тысяч затоптанных следов, рядом с историей, которая, быть может, ещё не началась здесь и не закончилась.

Преследуемые самостью, что нам уже не вспомнить,
Подгоняемые Духом, которым мы ещё не стали,
Мы несём боль в уже не дышащей груди.* *Савитри

Опыт продолжается всегда и всюду - хаотические, неожиданные переживания приходят сами собой, где угодно: перед портретом Клуэ в замке в Блуа или над страницами словаря. в Блуа. Мы ходили по музею, и вдруг я остановилась перед портретом... Подожди, кто же это был? Куэ... Нет, Клуэ! Принцесса Клуэ... одна из принцесс. Я начала размышлять вслух: "Да что же это такое! Что этот тип из меня сделал! Кто учил его рисовать?! Смотрите, здесь вот так, а надо так!" Детали. А потом до меня дошло (мне не удалось сохранить ясность сознания), что вокруг столпились зеваки. Тогда я пришла в себя. Но всё равно, на портрете была я! Это был МОЙ портрет!> Надо сказать, у Матери было много корней. Просто счастье, что Она родилась не в Китае, иначе нам бы пришлось далеко забираться. Хотя, кто знает? Мы говорим только об этой планете и вот этом маленьком небе, взирающем сверху на человеческий путь, но ведь готовило его множество других планет, и мы не узнаем уже их, ибо иные исчезли, а иные вечно скитаются как перекасти-поле по безбрежным межзвёздным полям. Мы вспоминаем слова Шри Ауробиндо: жизни на Земле разворачивается сегодня не впервые. Он начинался уже миллионы раз, и ещё миллионы раз повторится бесконечная драма. Что бы мы ни делали - будь то грёзы, открытия, мимолётные или кропотливые свершения, - бессознательно мы используем опыт бесчисленных предшественников, а наш труд семенем падет в почву неизвестных нам планет и несотворённых ещё миров>.

Только вот этот мир здесь и нам хотелось бы, чтобы наш труд пал семенем в его почву, а ещё хотелось бы лучше понять, как он работает, то есть лучше жить, ибо в конце концов речь всегда идет только об этом... что же до теорий, то лучше бы им никогда не выходить из библиотеки. Можно ещё раз вспомнить о переживаниях Мирры. Их были сотни, но мы коснёмся того, которое случилось в Италии, когда Она, в возрасте пятнадцати лет, путешествовала там с матерью. потрясена, но это и правда потрясающе. Я вспомнила, как меня задушили в тюрьме дожей!.. В сопровождении гида мы с моей матерью и ещё несколькими путешественниками осматривали Палаццо Дукале. Гид провел нас в подземелье, где находилась тюрьма, Он начал рассказывать какую-то историю - меня она не занимала, - и вдруг какая-то сила овладела мной, я оказалась в углу и увидела слово на стене. Тут же передо мной развернулась картина: слово написала я сама (я видела это, моими собственными глазами; надпись осталась, а гид сказал, что стены никто не трогал с тех пор, как там находились заключённые), а потом я увидела, или почувствовала, как входят какие-то люди, хватают меня (я уверена, что в камере находился ещё один узник), стражники схватили меня за горло, связали (рядом стояли люди и слушали гида, а в стене было прорублено окошко на канал), и мне показалось, будто меня подняли в воздух и вышвырнули в окно... Понимаешь, мне ведь было всего пятнадцать лет! Я сказала матери: "Лучше уйти отсюда!"> Она рассмеялась. Боже, нам и не рассказать, что такое смех Матери, как она шутила надо всем с озорством, похожим на юмор Шри Ауробиндо.

Растущий взгляд

Да и не в том вопрос, чтобы выяснить, каким ветром занесло на это поле или в эти столь необычные хромосомы крылатое зёрнышко Матери - в общем, тут ещё есть, над чем подумать, - вопрос даже не в желании выяснить Мирры: Она бы смеялась над подобными попытками ещё больше, чем над пингвинами в первых фильмах. Какая разница в конце концов, кем Она была - задушенной в подземелье дочерью дожа, принцессой Наваррской, или русской или китайской императрицей, - неужели весь смысл тяжёлого человеческого пути только в том и состоит, чтобы на свет появлялись всё более и более важные, титулованные и властительные персоны? В результате в таком мире остались бы одни фараоны да султаны, словно нам и без того мало тиранов. Даже не в изобилии утончённых гениев, сверх-Гёте и сверх-Бетховенов цель, - в

противном случае в мире было бы столько литературы и музыки, что они бы набили нам оскомину и пресытили нас, - и разве бесконечное восхождение человека из боли, хаоса и раздора есть только бесконечное повторение одной и той же песни, только всё более громко, всё более оглушающе? Где то, ради чего поют все певцы, ради чего человеческое войско лепит, пишет стихи, завоёвывает мир? Где королевство, ещё не узнавшее захватчиков, нота, покрывающая своим звучанием всё на свете, оттенок, которого не сыщешь ни на одном полотне во всех галереях мира? Они говорят, что завтра будет всё, только завтра никогда не приходит, а где единственное действующее лицо, скрытое за фигурами всех актеров? Нас всё больше и больше, раскрашенных и разодетых, на большой дороге человечества, а внутри как будто никого и нет.

Перед лавиной, отовсюду рушившейся под спокойным взглядом маленькой Мирры, разумнее было бы задуматься не над тем, кем они являются - все мы жили тысячи раз, - а над тем, отчего случилось так, что тысячи жизней, имён и мук, познанных нами в белой или чёрной коже, не были поглощены, подобно всем остальным, рекой забвения. Почему они остались, почему так получилось с Миррой и ещё с несколькими избранными? Отчего они ещё живут и, возможно, будут жить вечно? Что привязало слабую неуничтожимую вибрацию к определённой действительности и определённому моменту, к камню в нашей руке, ничем не примечательному уголку, парку вечером и тысячу раз пережитой тщете? Жизнь столь суетна и бесполезна, что мы считаем её великой и позлащённой, как книги по истории или двор Великого Могола, но на самом деле она складывается из тысяч шажков и лесенок в головах, из тропинок под ногами, которые не ведут никуда, или ведут в место, как две капли воды похожее на точку отправления, - мы приходим туда и не приходим, будто и не шагали никогда, никогда не видели этих стен и не переживали этих минут. Так что же есть, что живёт? Если что-то есть, оно есть всегда, или его нет. Если живёт, то живёт всегда, иначе это не жизнь, а часы с кукушкой. Жизнь-то велика, а вот мы?..

Одна история из тысяч воспоминаний маленькой Мирры задела нас больше остальных своей, если можно так выразиться, банальностью деталей. На самом деле речь здесь идёт уже не о Мирре, а о Матери: однажды утром Она увидела годовалого или, может быть, двухлетнего малыша, который показался ей знакомым. Она даже не знала, почему - может быть, глаза, может быть искорка в них, вспыхнувшая огнём безмолвного узнавания. Вечером же у Неё было видение: в огромном здании. Стены были голы, только в одном месте я обнаружила великолепные фрески и признала в них работу мастеров древнего Египта. Я вышла из своих покоев и попала в огромный зал; вдоль стен тянулось что-то вроде водосточного жёлоба. А в нём я увидела играющего малыша (полуголого). Я была возмущена и сказала: "Что за мерзость! Этот ребёнок невыносим, он постоянно занимается тем, чего делать нельзя." Подошёл наставник, и я сказала ему: "Как вы можете позволять ему играть здесь?" (я слышала произносимые мной звуки, знала, что хотела сказать, переводила всё в уме на французский, но самих звуков уже не помню). Наставник мигом подскочил ко мне и сказал (тут я и очнулась): "Так повелел Аменхотеп..." Вот так я и узнала имя ребёнка>.

Что там Аменхотеп, куда интереснее жёлоб, проживший три тысячи сто лет (XVIII династия!), и ребёнок в нём. Что заставило жёлоб жить так долго?

Можно со всем простодушием сказать: чтобы жила память, должен быть тот, кто помнит. А кто помнит, кто смотрит? - Старая привычка смотреть как обычно: как мы просматриваем книги, глядим на отцов, матерей, смотрим фильмы; это готовый взгляд, такой же готовый, как готовое платье, видящий только свои желанья, идеи в своей голове, свои симпатии или антипатии, пустые-пустые узоры, история всегда одна и та же, неважно, кто смотрит, неважно, что за одежда - пеплум или костюм, в Карфагене или в Нью-Джерси, в этом веке, прошлом или

следующем. Но вот просто взгляд, ни на что не устремлённый, внезапный как крик, раздирающий ничемные узоры, сердце и миллионы суетных вещей, - вот так вдруг раскрывается кошмарная пустота... а она-то, быть может, и есть первое всей жизни - острое, безымянное, безликое, бескачественное, как взгляд, глядящий сам на себя, как рана, настолько болезненная, что она обретает силу, что становится первой дрожью бытия, без слов, без мыслей, без знания или понимания, чистая дрожь, чистая вибрация, крик изнутри - вот, что помнит. Как будто только это и есть память. Когда открывается этот взгляд, в его бесконечности видно всё: жёлоб или цвет неба, лицо, котёнок на крыше, всё равно что, ибо видно повсюду, внутри и вовне ОДНО И ТО ЖЕ, глядящее само на себя - ВЕЩЬ, взорвавшаяся во всём мире разом, всюду дрожащая, без начала и конца, без веков и времён, повсюду живущая и всё соединяющая, вчера и тысячу лет назад, камень и рассеянную руку, это место и то, соломенную шляпку и убор фараона, но при чём тут вообще уборы, если нашёлся тот, кто смотрит - Сознание-Сила, Шакти. Этот взгляд открывается однажды, затем ещё раз, а затем жаждет открываться всё чаще и чаще, повсюду, в храме и не в храме, на улице и в тысячах бедствий - взгляд, растущий от жизни к жизни, проясняющаяся вибрация, сила, копящаяся так, будто она одна избегает печальной участи наших тел - могилы, беспмятная память, помнящая всё, королевство без подданных, всюду живущее и оказывающееся своим собственным властителем, ибо это - королевство Великой Шакти, в чьи владения входит весь мир.

Однажды взгляд уже никогда не погаснет.

Есть создания, глядящие очень долго, тогда как другие приходят и уходят как слепцы; иные по капле собирают розовые, голубые и разноцветные жемчужины великой Шакти и становятся горным потоком, тихим ручейком, широкой рекой, а иногда и океаном. Только в этом и есть различие, но ни хромосомы, ни законы Менделя не объяснят его. Эволюция касается не видов или талантов, но Сознания и Силы, или, точнее, миллионов взглядов одного и того же Сознания, раз от разу открывающегося всё более обширным, сильным, живым: каскад или водопад. Может быть, это эволюция оптики? Но и она - та же капля Того же. Одна и та же великая Река течёт сквозь века и наши несчастья, наши философии, системы, религии, позлащённые или почерневшие клетки, и миллионами поднимает людей, раскрывает чёрные и голубые глаза на Великую Страну, медленно и уверенно ведёт нас к следующему Моменту своего долгого пути, к внезапному повороту, где наши экранчики падут, ибо они нужны лишь затем, чтобы выжать из нас, заключённых в клетки, крик.

Тогда каждый найдёт под грудой костюмов своё настоящее имя, свою неповторимую вибрацию, свою единственную в великой вселенной музыку, вернувшуюся память и широкие крылья. Мы увидим землю так, как никогда ещё не видели её.

Может быть, это будет другая земля.

Другая история.

Другая гравитация под звёздами.

Настоящая страна и неразрушимое тело.

За могилами и за вершинами.

4

О МУЗЫКЕ И КРАСКАХ

Гильотина ума обрушивается чаще всего именно на непосредственный опыт, - у нас есть только нити, обрывки воспоминаний, но мы не знаем ни того, что на самом деле это наши переживания, ни того, чем, собственно, является опыт, и потому говорим о , , всё это слишком туманно и расплывчато, к тому же логика декартового мира, прицепившаяся к нам как рыба-прилипала, довольно скоро перекрывает и их. Нам рано преподают урок жизни, то есть урок

удушья к полной радости окружающих. После обучения мы говорим: это мистики, иллюминаты, шарлатаны, но в то же самое время верим всем, пусть даже не слишком философским, религиям, поскольку так и не поймали одну-единственную вещь, которая связала бы все нити. Но дело может обстоять и так: людям нужна хорошая логическая и рациональная база, чтобы встретить Великую и простую Истину на своей земле, а не ловить её в воздухе, и не принять маленькую экзотическую лагуну за весь Тихий океан. Экономия природы столь чудесна, что может даже показаться, будто всякая ложь или искажение, присущее тому или иному возрасту, оказывается защитной оболочкой истины, - сама по себе она может быть опасной для наших жалких челнов - более того, лжи вообще нет, как нет и ошибок, просто истина растёт по мере нашей способности постичь её. Если всегда помнить о том, сколько осталось за нами и вне нас, мы бы быстро положили конец детским распрям и так называемых : ведь они того, что только должно родиться - не чистой Материи, не чистой идеи или Духа, а... другого, без всяких ; может быть, настоящей земли, только очки материалистического или идеалистического homo sapiens пока не дают нам разглядеть её.

Антиномии Мирру не смущали; на кривлянье этого, как и любого другого, мира Она смотрела своим спокойным взглядом как на явление, , модели поведения одного и того же объекта, которые возможны не здесь или там, а только в нас самих. Когда исчезает тюрьма, и следуют её участи. Она занималась живописью, музыкой, много играла в теннис: полюбила эту игру в восемь лет и постоянно играла в неё до восьмидесяти. Похоже, что наиболее важна тут живопись (больше всего Мать любила портреты: для неё в человеческих лицах было куда больше загадочного, нежели в фараонах или математических уравнениях), удивительная бабушка ввела её в среду художников, и там Она познакомилась с Анри Мориссе, своим будущим мужем, юным учеником Гюстава Моро и одноклассником Руо. Мира Исмаун по-прежнему колесила по европейским столицам под чутким присмотром Матильды. Похоже, что к Мирре она питала слабость: меня единственным разумным человеком в семье(!) и делилась со мной своими секретами>. Однако живопись - Она начала заниматься ею в возрасте двенадцати лет - играла для Неё не такую уж важную, или, наоборот, важнее некуда, - это уж как посмотреть - роль; мы подозреваем, что Мирра взялась за кисть, чтобы досадить Матильде и избавиться от пристойных кандалов площади дю Руль: один из персонажей пьесы, написанной ею позже, говорит: благопристойной буржуазной семье, где искусство рассматривали скорее как времяпровождение, нежели как "серьёзное" занятие, а художников считали легкомысленными, склонными к разгулу, презиравшими деньги и, вообще, опасными людьми, я, возможно, из чувства противоречия, ощущал властную потребность в занятиях живописью>. Ну да, на свой лад, подобно Матильде с её хедивом или Мире Исмаун, презревшей обычаи феодального Египта. я родилась в Индии, я бы там всё разнесла на кусочки!> - однажды сообщила нам Мать. Я охотно поверил ей.

Тем временем в Лондоне Шри Ауробиндо готовился сбросить кое-какие британские оковы. Неизвестно, стала ли бы Она великой художницей, но хороший музыкант из Неё бы точно получился, - только величие не слишком занимало Мирру, - действительно удивительные Матери всегда поражали людей. Чтобы сказать о Ней хоть немного, пришлось бы написать десять книг, и ещё останется на целые поколения толкователей, над которыми Она обычно посмеивалась. наверху звуки... Они красивы, но я понятия не имею, что это такое. Вот так и я играю, своей игры я не слышу, я слышу другую музыку... Забавно. Кто-то забавляется, кто-то, так сказать, заставляет меня играть. Вот я сяду, а он мне говорит: "Начнёшь так-то", - я начинаю, а он украшает мелодию, импровизирует. Вдруг он говорит: "Всё, хватит!" - и исчезает!.. Не знаю, что это такое>, - Мать рассмеялась.

В другой раз Мать сообщила мне: чувствую как бы великие музыкальные волны. Стоит

чуть-чуть отступить, и я слышу их. Так всегда. Звуков нет, но это музыка! Великие музыкальные волны>. Странно, что волны тоже связаны со , мягко перенёсших Её на гравий в лесу Фонтенбло - кто знает, наш мир, возможно, куда ритмичнее и музыкальнее, чем нам кажется. Только прежде всего надо открыть свою собственную музыку, ибо как без неё услышать другую - она, наверное, тоже наша, но рассеяна повсюду? Несколько лет назад, когда я писал книгу, Мать сказала мне: , как тебе помочь? Я пошлю тебе музыку>, - и действительно, пришёл всеохватывающий ритм - возможно, он и был музыкой, - облачившийся в слова, которые находились сами собой, будто звук творил слово или притягивал подобное себе, но если хоть отчасти вмещивалась мысль, звук путался и слова выходили фальшивыми. Мысль подрисовывалась на заднем фоне автоматически, почти незаметно, будто её создавала музыка как вторичное и побочное своё следствие: когда терялся ритм, вместе с ним пропадала и мысль. Происходило это, наверное, потому, что мысль, как и всё остальное - архитектура, живопись, поступки, революции - транскрипция великого потока Шакти, дающего ритм всему. Если бы нам найти чистый Поток, какое чудо! Творение означает обретение великой Музыки, согласие с чистым Ритмом, его разрешение. Но чаще всего мы соглашаемся только с идеями: мы всё переводим через непрозрачные ментальные Саргассы; конечно, ритм искажается и становится фальшивым, а мысль и жизнь следуют за ним. Это уже не взмахи огромных крыльев, а просто что-то бьётся о прутья клетки. меня оркестр из двухсот музыкантов - воскликнула Она, - получилось бы интересно!> К несчастью, в её распоряжении было только старое пианино, а потом немногим лучший электрический орган: пипеткой капли и потом, опять же, по капле выдаёшь - конечно, горизонт сужается!> Но даже капли ждут, чтобы их открыли; может статься, в один прекрасный день Она обнаружит того, кто, к нашему восхищению, поймёт, как оркестровать великие волны любой человеческой музыки. .

Взрыв наверху

Однако, Она не медитировала; до двадцати лет она и представить себе не могла, что можно предаваться медитациям или, вообще, усложнять что-либо: всё, что переживала Мирра, было предельно просто, перемещано с самой жизнью; Она нашла бы странным обыкновение садиться в позу лотоса, чтобы сделать то, что просто как дыхание. Просто Она всюду несла с собой подобную горячему огню силу, уничтожавшую видимость. Её взгляд желал видеть только настоящие вещи, настоящий мир, истину во всём. Потребность совершенства - всего лишь предзнание тайного Совершенства вещей, искажённого, извращённого и разрушенного вовне, прямо на наших глазах, но эта потребность творит силу, словно мы во всём и всегда ищем настоящее лицо мира, словно пытаемся ухватить загадочное воспоминание в существах, встречах, предметах, пианино, по которому барабанят изо всех сил, чтобы оно издало Звук (Она каждый день по несколько часов кряду занималась музыкой), в полотне, скомканном, чтобы оно взорвалось невозможным цветом, или, наоборот, с криком выплеснуло невыносимую белизну, в математической задаче, решение которой будто бы может провести человека сквозь тома и строки, и задачу мира, замкнутого в круг геометрии, только не совсем эвклидовой: в Политехническую школу, мой брат изучал высшую математику и находил её весьма сложной. Я посмотрела [ну да, Она по-прежнему], и всё стало ясно. Учитель, значит, корпит, мой брат корпит, а я вдруг говорю: "Вот, как надо!" - и вижу лицо учителя... Потом, кажется, он сказал моей матери: "Учиться-то надо вашей дочери!..">

Но однажды что-то взорвалось, благодаря силе, которую Она всюду носила с собой. Это случилось на концерте великого бельгийского скрипача, друга Рубинштейна Исэ: услышала концерт Бетховена в ре-мажоре для скрипки с оркестром. Когда вступила скрипка (не с самого

начала, начинает оркестр, а она вступает немного позже), с самых первых нот (играл Исэ, вот музыкант!...) моя голова будто распахнулась и меня выбросило в настоящее чудо! Больше часа я пребывала в блаженстве. Я ничего не знала о тех мирах, понятия о них не имела. Все мои опыты проходили точно так же: я не ждала ничего, не искала...>. В индийской литературе извели немало чернил на описание этого взрыва: в центре головы открывается центр, sahasradala, тысяче лепестков>, обеспечивающий прямую связь с потоком великой Шакти и мирами света и красоты, которые мы неуклюже пытаемся протащить сквозь нашу черепную коробку. Мирра увидела мир по-иному, не через прозрачные страницы учебника Истории или потаённый шёпот камней и цветов, не через тайные вибрации всего живого, а прямо в его истоке, наверху; позже Она заглянет ещё и вниз, в глубину вещей, в сердце Материи, где, может быть, находится тайное Начало; ибо оно не только в бесконечностях Шакти, но и в атомах, и в клетках тела. Мирра ведь никогда не прекращала, даже бесконечности казались Ей завесой, что, возможно, не только бесконечно. Она была слишком, чтобы не любить Материю больше, чем ученые и не находить её более прекрасной, нежели все на свете уравнения квантовой физики.

Перед глазами Мирры мир выплеснулся фонтаном, и вещи вырвались из своего фотографически плоского плена: на картину, и тут случилось то же самое: "это" открылось в голове и я увидела начало картины - краски!> Живые существа открывались подобно картинам, и за их словами или поступками прочитывалось оживляющее их истинное движение, вибрация, толкавшая их на те или иные действия, ритм или цвет, окрашивавший их душу или бездушие, и всё это складывалось в живой, многокрасочный, гигантский калейдоскоп, ведущий безостановочную игру на гранях Шакти, или в тысячах способов извратить и скрыть маской один-единственный цвет, который хотел бы сам создать прекрасную картину: и то же время я вижу и физический объект (или слово, или поступок), и его цветовую или световую транскрипцию. Они наложены друг на друга. Например, если кто-то говорит, это переводится в образы, в игру форм, света или красок (не всегда светлых!). Это выглядит как пятна, как движущиеся формы, и именно в таком виде хранится в памяти земли. Поэтому, приходя из той области в активное сознание людей, вещи выражаются на языке каждого из них, словами и идеями, привычными ему, - это не принадлежит никакому языку и никакой идее, это точный отпечаток происходящего>. Этот отпечаток привязан не только к местам, домам и предметам, но и к клеткам: бесконечная живая история, точная, как истина мира в красках. В общем, магнитные записи - не такое уж свежее изобретение; мы всегда изобретаем карикатуру того, что уже есть. Чуть позже Мать вдруг заметит: художники видят именно это!> Со своей детской улыбкой, надув щеки, Она добавила: очень непоследовательны, потому и мир видят непоследовательно!>

Открывается мир, и открывается всё: далёкое становится близким, далёкое неизвестное дрожит будто бы под самым носом, а здешнее известное словно уходит в далёкие века; каждый предмет становится миром, содержащим в себе мир. Музыка смешивается с красками, краски - с тем же великим Ритмом, а он может слагать как поэмы, так и геометрические теоремы, в зависимости от того, так он дышит или иначе, а ещё он создает гравитацию или множество гравитаций... наверное, сообразно с истиной нашего взгляда. Взор же становится всё более и более истинным; наши глаза моргали в теле гусеницы, глядя на единственную в мире линию, зверя на извилистых тропинках и чертили прямые борозды, проводили линии меридианов на картах и запирали галактики в один пузырёк, пока тот не лопнул, и мир не возродился с новой уже геометрией. Может быть, ментальные подставки потребовались для того, чтобы удержать нас от психоделического или ещё какого-нибудь падения в мир, слишком необъятный для нашего сознания. Но путешествие ещё не закончилось, настоящего взгляда ещё нет - мира ещё нет! Он всё больше и больше становится тем, что он есть. Мир - это взгляд, становящийся

истинным. Надо вырасти в сознании, надо открыть глаза и не останавливаться перед решёткой географической карты. Когда мы откроем настоящий взгляд, мы станем настоящими и сами, мир целиком станет тем, что он есть, а всечеловеческие законы опрокинутся как детские кубики в саду богов.

Ибо огромный Kaleidoscope мира можно повернуть одним лёгким щелчком.

5

ДРУГИЕ МИРЫ, ДРУГИЕ ТЕЛА

Этот великий мир, по которому мы идём уверенным шагом, выпрямив спины, но, тем не менее, держась за поручни, - вряд ли этот мир наш дом; домов у нас много, но нас там ещё нет, мы знаем только опушку великого леса. Неприметная тропка, появившаяся бог знает откуда, неожиданный поступок, нарушающий обычное течение жизни, голос, шепчущий слова, движение, овладевающее человеческими массами и раскачивающее их (как гневливость Маттео или прыжки девочки по приглаженным клумбам Тюильрийского сада), - мы не знаем, откуда они, мы не знаем, что за ветер тут дышит. Внешний мир рушится, мы же возимся с машинами, попадаем в несчастные случаи на улицах, или встречаем случай, который изменяет всю нашу жизнь, но вот кто передвинул, и что передвинул? Кто дал эту непредвиденную координату? Мы не знаем. В великом лесу миллионы случайностей, будто случайные ростки сочетаются в невероятный лес, или случайные человечки создают невероятную историю подобно тому, как случайные движения и разбросанные молекулы вместе либо создают симфонию, либо взрываются. Словом, если тут и повинен случай, то нам придётся признать, что он весьма разумен. Мы, однако, так боимся увидеть, как наш прекрасный случайный разум вытесняется высшим сознанием, что предпочитаем отдать этот мир скорее дьяволу случая, нежели Богу-демиургу, чьи отнюдь не случайные удары иногда оказываются на удивление дьявольскими, а зачастую - ещё и жестокими. В обоих случаях мы отдаёмся на пожирание одному и тому же оборотню. Может быть, пора отправиться на исследование этого разума мира, выбросив из головы капризы и богов, и позавчерашних учёных, и случай, восходящий к какому-то взрыву, - но тут не надо бояться ни Бога, ни дьявола, ни даже самого себя. Ведь всё, возможно, содержится внутри, в маленьких случайных клетках, а мы сами - первый предмет нашего исследования; конечно, другого и быть не может, ибо то, что есть в одной клеточке, есть и во всех телах и вселенных. Нам непонятно, зачем люди отправились на Луну. Действительно, найди мы настоящий закон клеток, мы бы, наверное, без всяких ракет и суматохи могли добраться не только до Луны, но и до всех лун и всех вселенных на свете.

Поэтический сон

Она попробовала всё, даже поэзию, ; Матильда была в отчаянии: ничего не добьётся в этой жизни!> Живопись, музыка, наука, литература, практика, - Мирра ничего не упускала. концов я забросила всё... Я попробовала всё, но ничто не казалось мне достойным того, чтобы посвятить ему жизнь>. Она думала, что перед ней лежит широчайшее поле экспериментов, что весь мир - огромная экспериментальная площадка, и Мирра продолжала пополнять свой жизненный опыт вплоть до девяносто пяти лет без остановки. Но замкнуться на одном, пусть даже наиболее благороднейшем, предмете, представлялось Ей безумием, муравьиным трудом: , вот для музеев они подходят как нельзя лучше. Я не вижу никакой необходимости становиться величайшим музыкантом или живописцем, мне всегда казалось, что тут всё дело в тщеславии...> С простодушием(и, как всегда, долей лукавства) Она добавила: особого значения в этом тоже

нет. Это то же самое совершенство для человеческих существ>. Может быть, бессознательно(?) Она уже догадывалась, что все - и великие, и малые - вершины человека рано или поздно рушатся перед некоей бездной, а самому человеку следует искать чего-то другого. (она была очень сурова) сказала: "Моя дочь ничего не может довести до конца" Так оно и получилось - ничего не довожу до конца, берусь, бросаю, а потом начинаю новое дело, нет, даже целую кучу дел: "Она никогда ничего не добьётся в этой жизни!" Так оно и есть, это детское выражение потребности большего и лучшего... так всегда, без конца - всегда вперёд, к совершенству, но я чувствую, как совершенство ускользает от мысли, это нечто... словом, "нечто". Нечто неопределимое, но его ищут во всём>.

Надо полагать, Мирре пришлось выстоять не в одной схватке с Матильдой. Как-то раз война началась из-за какого-то блюда из моркови - оно едва не испортилось, - Мирра упорно отказывалась есть морковь, а Матильда столь же упорно заставляла Её съесть пресловутое блюдо; Она голодала три дня. Мы не знаем, кто первым пошёл на попятную. Вероятно, Матильда. Однако, пределом стал день, когда обнаружился первый знак нового увлечения - Матильда узнала, что её дочь пишет стихи... и стихи!..> - да ещё и во сне! Ну да, сон у Мирры был странноват, как и всё остальное, но если взглянуть на него глазами ребенка, который ещё не знает, что тело - это твёрдый ящик, в котором мы заперты до конца своей жизни, то ничего удивительного тут нет. Боже мой, из тела можно выйти - выходят ведь из дома - и что тут странного? Матильда считала иначе. Да и мы сами далеко не на каждом шагу встречаем детей, способных рассказать нам о своих прогулках. , в один и тот же час, когда все домашние засыпали, я выходила из своего тела - вот уж навидалась я тогда! Мало-помалу тело приобретало все признаки сомнамбулы (то есть, связь - что-то вроде световой нити, связывающей нас с телом - ничуть не нарушалась, а сознание формы* *Сознание формы, или сознание тела, или, точнее, сознание в клетках тела, продолжает существовать даже у мумии, если она пребывает в хорошей сохранности, и позволяет войти в контакт с ней, что случилось с Миррой в музее Гиме - войти в контакт с тем, что лишено сознания, невозможно. Сознание - это мост. обретало всё большую и большую ясность), и у меня появилась привычка вставать по ночам, но не так, как это делают обычные сомнамбулы: я вставала, открывала секретер, брала лист бумаги и... писала стихи! Я, без всякой поэтической жилки, и вдруг стихи! Я всё помнила. С полным знанием дела я прятала бумаги в ящик и тихонько закрывала его прежде, чем снова лечь в постель. Однажды, не знаю уж почему, я забылась и оставила его открытым. Моя мать (мать меня будила, поскольку во Франции окна закрывают очень плотными занавесками; она приходила по утру, резко раздёргивала занавески и бесцеремонно будила меня; только вот я привыкла просыпаться до её прихода, иначе пробуждение было бы не очень приятным* *Нить, связывающая с телом, очень непрочна, и при резком пробуждении связь может быть нарушена: человеку тяжело вернуться в тело - будто в кошмар, иногда даже нить может порваться, такие случаи хотя и редки, но весьма опасны: человек не может вернуться в тело, то есть, выражаясь медицинским языком, .); так вот, моя мать входит, громко зовёт меня и видит, что секретер открыт, что лежит бумага: "Это ещё что такое?" - хватает её: "Ты чем тут занималась?" Не помню, что я ответила... А она отправилась к доктору: "У моей дочери лунатизм! Дайте ей лекарство!" - Мать со смехом добавила: "Неудобно получилось">.

Мы не думаем, что поэтические опыты длились долго, но Мирра или, скорее, Мать всегда испытывала известное сочувствие к этому неуверенному и не слишком научному занятию - Она невольно переложила свои чувства на высочайшую поэзию, но они были слишком просты, чтобы прибегать к александрийскому стиху. Важно для Неё было только одно - истинность, чистота, вибрация, чистое выражение великой Шапти - прозрачный передатчик, - вот каким был высший ключ даже в девяносто пять лет. Так почему бы Шапти не открыть поток поэзии, раз она

низринулась водопадом в 23 814 стихов Шри Ауробиндо? Нам ещё не известны все тайны этой силы, и Мирра изучала её механизм, - Она любила это слово. Постепенно Она убеждалась, что прозрачность есть высшая власть над всем, включая и поэзию. Шри Ауробиндо говорил о . Когда всё умолкает, когда сознание становится прозрачным, вибрации идут чистыми, без искажений, руководствуясь только своим ритмом - нужной силой и нужным действием в нужное время. Ведь мы забыли, что, в конце концов, поэзия, как и живопись, и музыка, и всё прочее суть сгустки определенных вибраций, обладающих силой воспроизводить или материализовать представляемое ими состояние сознания: пламя вдохновения, или, проще говоря, огонь, свет, радость, любовь... Всё в этом мире - выражение состояния сознания: цветок - состояние сознания (или, скорее, сознательности), камень, огонь, дождь. Да и вообще весь мир состоит из мириадом состояний сознания. А магия звука, мантра, Шакти сообщает всему форму, вибрацию, цвет, музыкальную или электромагнитическую геометрию. В конце концов, однажды, возможно, придёт сила, способная напрямую материализовать или облекать в форму всё, что будет объектом нашего сознания: непосредственное творение будет осуществляться через сознательную работу с вибрациями. Такова завтрашнего дня, когда мир станет чистым действием Шакти, перенесённым через прозрачные передатчики. А пока мы идейки, желаньца, бессильные (исключая пагубные разновидности) и не слишком сознательные состояния, да всякие машинки и всё это затем, чтобы заместить простую силу первородной вибрации. Мирра уже учила поэзию будущего, не только по стихам, но и по всему: ощущаемое Ею было как бы тайным совершенством всего, даже бульжника. не поэтесса, - говорила Она, - я довольствуюсь действием>. По-гречески и означает действие: роіείν. А на санскрите слово означает силу или свершение - shak.

Изменение среды

Таким образом Мирра открыла то, что сюрреалисты найдут тридцать лет спустя; на самом деле, никакого открытия не было, или же оно столь же старо как Веды или фрески Айанты, да и кто творит, полуприкрыв глаза и наощупь лоя высшие проблески? Мало сесть за стол одним прекрасным утром или одной прекрасной ночью и предаться , ибо то, что получится, может оказаться безумным блуждающим огоньком снизу, из лагун нашего подсознания и весьма слабого сознания, или усиленным эхом человеческой же бессвязности. Сначала надо стать прозрачным, и тогда можно услышать нечто большее, чем свой собственный грохот. А все разноцветные лагуны, все порывы вдохновения рождаются отнюдь не в одном и том же потоке, хотя повсюду - один и тот же океан. Надо изучать пороги и знать шлюзы великого потока - они бывают маленькие, большие, и нет никаких шлюзов вообще. Это и открывала Мирра - медленно, тщательно, шаг за шагом, порог за порогом и мир за миром. Звери, портреты, цветы и мумии (не говоря уж о живых, клопочущих от переполняющих их желаний, людях) уже научили Её, что каждая вещь звучит по-особому на разных уровнях тела, а , научного названия которых Она не знала, представлялись как бы связанными с узкими и очень точными звуковыми диапазонами, поэтому по тональности звука или вибрации Она моментально узнавала не только что означала та или иная вибрация, но и с какого уровня мира она пришла; можно было показывать Ей самые прекрасные разноцветные видимости, самые закрытые предметы, самых утонченных людей света, но Она не обманывалась ни на секунду: вибрирует здесь, значит пришло оттуда. Можно подписать полотно или поэму самым громким именем века, но и это будет лагуна шестого порядка. Тут Она достигла математической точности, и ошибка была исключена. Её, однако, интересовало, откуда приходит музыка, на какую ноту отзываются центры, узкие диапазоны? Если бы Ей, пользуясь выражением одного, в ту пору ещё не рождённого, американского

бихевиориста, сказали, что дело в некотором, порождающем сознание>, то есть в нашем благородном мозге, Она бы широко раскрыла свои глаза, на сей раз, вероятно удивлённые и голубые, и тут же спросила бы, откуда взялась такая идея и не является ли случайно этот великий бихевиорист родителем мира? Почему бы, в конце концов, и нет? Во всяком случае того мира, который встал на голову. не будете утверждать, что звук творит граммофон; такая мысль даже в голову вам не придёт!>

На самом деле Она открывала миры и ступени миров самым прозаическим и неожиданным образом, как человек, который неожиданно натывается на сад, входит за ограду и начинает есть яблоко. Какая уж тут мистерия: знай себе пробуй, трогай да смотри. Дверь открылась, вот и всё. Тело - это множество дверок, которые открываются в самые разные стороны, при случае можно даже вообще отказаться от него - не только во сне, но и за завтраком, и во время прогулки в парке. Оно стало вполне отделимо, поэтому Она скидывала тело как пальто, чтобы прогуляться в других местах, среди других людей, в других городах или других мирах, которые Она открывала просто так, почти случайно, но удивлялась этому не больше, чем в Булонском лесу или у полотна с портретом Клуэ. На языке словарей это называется , но такое ужасное слово мигом воскрешает в памяти дервишей или Пифию на треножнике, тогда как тут речь идет об обычной приятной прогулке вне своего тела (для тех, чье сознание и так приятно, в противном случае прогулка может обернуться кошмаром). Поэтому мы предпочитаем употреблять слово , то есть выход во внешнее пространство (на самом деле оно находится внутри всего): прямо посреди разговора или дела, - никто не знал, что происходит! Все думали, что я засыпаю. А я оставалась в полном сознании - рука поднята, или рот открыт, снаружи никого, а внутри очень сильные переживания, богатейший опыт. Со мной это случалось ещё в детстве. Однажды (мне было, верно, лет десять-двенадцать) родители давали обед. Пришло с дюжину гостей, все выглядели соответствующим образом (в общем, пришли только родственники, но как-никак ! Надо придерживаться определённых норм), а я сидела в конце стола со своим кузенком; он потом стал директором Лувра (очень способный был мальчик, с артистическим складом ума). Ну вот, мы сидим, и тут я замечаю в нём что-то интересное (заметь, что в ту пору ни о чем оккультном я ещё понятия не имела, но способности-то были при мне!); от него было какое-то странное ощущение, и, не донеся вилку до рта, я ушла! Сколько шуму было! Мне говорили, что я не умею себя вести, что меня нельзя сажать за стол!> Иной раз случалось ещё менее благопристойно: Мать роняла своё тело на землю: в Париже. Мы обедали, а затем вышли в гостиную. Там было множество народа, а дышать совсем нечем. Я стою, обед в желудке, и чувствую какое-то неудобство. Я сказала соседу: "Мне немедленно надо выйти". На улице же (мы оказались на площади Трокадеро) я полностью покинула тело и как бы потеряла сознание. Когда я увидела, как оно растянулось на земле, то немедленно вернулась - это было ужасно>.

Взращенные в детском саду эволюции, мы привыкли полагать, что тело содержит сознание, а то и производит его, и что без тела человек мёртв, а без глаз и ушей он не может видеть и слышать точно так же, как не может двигаться без одной, или, в зависимости от случая, множества ног. Это эволюция, и не попишешь>. Не может же ребенок гулять в парке без няни, и ворота ему самому не открыть, потому что ростом ещё не вышел. Частишки сознания выросли в великом парке Первоедиства, там они индивидуализировались и признали себя , но признали это отличие только из-за стенок вокруг себя, то есть стали смотреть своими глазами и чувствовать своими щупальцами, и, конечно, мир стал феноменом их глаз и щупалец. Когда мы, на несколько тысячелетий, скажем, что мир - это не наше личное дело, мы, как и первобытные маленькие животные, по-прежнему будем индивидуализировать его через череп и личные очки. Мир будет , и мы будем , и всё будет отличным благодаря личным очкам и уютным черепным извилинам; в конце концов вот, к чему мы придём - я существую только в своих очках, а то и - я

продукт своих очков. Без очков и извилин я мёртв. И это верно для тех, кто не вышел из детского сада эволюции. Для рыбы в аквариуме за стеклом нет существования, или есть смерть. И всё же на свете существуют летающие рыбы, у рептилий пробиваются крылья, все виды выходят из своей - честное слово, у нас за спиной осталась не одна среда с тех пор, как мы встряхнули первой ложноножкой... Быть может, мы стоим на пороге нового изменения среды, однако на сей раз вместо того, чтобы выходить из одного аквариума в другой, будь хоть небесный, хоть воздушный или отращивать сверх-извилины, будто нам ещё не стало тесно в человеческом аквариуме, речь пойдет об обретении единственной Среды, содержащей все аквариумы, и тела, и картины, предстающие миллионам глаз, и неверные ощущения миллионов антенн, и окошки донжона, и маленькие очки, - все они режут мир на кусочки, но лишь затем, чтобы с каждым днём и каждым шагом всё ближе подходить к своей собственной Тотальности. Тогда мы и поймем, что мы видим вполне хорошо, а без очков даже ещё лучше, что без черепа думается лучше, а гулять приятнее за пределами аквариума, - смерть-то остается в нём. Да и в конце концов, не тело содержит сознание, а сознание - тело, и даже все тела. Тогда мы легко можем пройти где угодно, поскольку повсюду будет наше тело.

Иерархия миров

Мирра при желании легко выходила из аквариума. Она не была неофитом эволюции. По правде сказать, мы все выходим из него во сне, только не знаем об этом, - на самом деле о настоящей жизни мы вообще знаем очень мало; нас учат математике, кодексам, законам, языкам, но ни об азбуке жизни, ни о языке мира мы не знаем ничего: миллион не найдётся ни одного человека, знающего, как жить! - восклицала Мать. - Они даже не знают, почему они появились на свете; они знают, что проживут некоторое число лет, но почему - не знают, они думают, что им придётся покинуть этот мир, ибо все его покидают, но отчего это так, они не ведают... Люди рождаются, живут, претерпевают то, что называется счастьем или несчастьем, затем их жизнь заканчивается, и они умирают. Они приходят и уходят, так ничего и не поняв>. Иногда, благодаря чистой случайности, на операционном столе или во время несчастного случая, мы замечаем, что выйти из тела легко, но это представляется нам неким , возможно, связанным с болезнью, и мы, подобно Матильде, пытаемся втиснуть его в рамки , да на самом деле для маленьких премудрых привычек, унаследованных нами от всех млекопитающих, это и есть нарушение. Мы умеем держаться своей клетки. - замечала Мать, - люди по большей части похожи на узников тюрьмы: все двери и окна закрыты, и люди, конечно же, задыхаются; у них в руках - ключ от всех окон и дверей, просто они не желают воспользоваться им>. Или же, подобно неосторожным юнцам, наглотававшихся наркотиков, мы отправляемся... чаще всего за смертью. Мало просто выйти, снаружи нас ожидает не прогулка в самой распрекрасной на свете роце, раскрашенной во все цвета радуги, хотя там есть и цвета, точнее, всё зависит от нашей собственной , если можно так выразиться, ведь подобное тянется к подобному: если мы сами напуганы, если наш цвет серый, то и мир вокруг будет полон угрозы и весь пропитан серым цветом, точно ночной кошмар, - то, что движет нами здесь, движет нами и там, только в , так сказать, виде и без примесей защитной оболочки тела и хороших манер. Действительно, там находится незримый (для нас) источник всякого нашего движения, и перед ним мы бессильны: исследования>, - для тех, кому не нравится чувствовать себя марионеткой. Вот и Мирра всегда и везде видела это движение: оно присутствовало как изнанка картин, облаков, вещей или настроений её кузена: облачки, красные или чёрные волны, искры, тёмные стрелы, всплески силы, подталкивающие нас на совершение того или иного поступка и творящие наше будущее, неожиданное происшествие, благословенное или фальшивое вдохновение и миллионы совсем

уж неведомых нам случайностей. , живущие на обычном уровне сознания, почти ничего не знают о событиях в физическом мире. Они уверены в обратном, но на самом деле им доступна лишь внешняя видимость; это всё равно как рассматривать обёртку пакета и не заглянуть внутрь. Они видят только поверхность и настолько привыкли к этому, что им постоянно нужно объяснение>. Но для тех, кто лишён доброго или злого дара видения (это ведь не всегда приятно, вероятно, рачительная и мудрая Природа открывает нам глаза только на то, что мы способны уразуметь), для тех существует огромное поле сна: ночью глаза избавляются от шор видимости. одному, а ночью - другому, - Мать училась везде и всегда. - Но ведь нас даже не учат спать. Они думают, что достаточно улечься в постель, и вы тут же заснёте. Но это неправда!>

Когда вы выходите из тела, то находите отнюдь не вселенский кавардак: над Материей надстроена целая иерархия миров, (или , это уж как вам угодно) восходящих к свету, блаженству, откуда величайшие из людей черпают озарение, симфонии, евангелия, - но миры тянутся и дальше, в те области, о которых мы даже и не ведаем. Это открытие столь же древнее, как колонны Луксора или Упанишады. Таинственным и сомнительным оно представляется только в нынешней научной интерлюдии, когда учёные предпочитают развивать машины, а не сознание, пока не закончатся ресурсы, пока не перехватит дыхание, и люди не найдут воздух, которого так недоставало их жизни, и не обретут силу, вдыхающую жизнь даже в машины, быть может, даже более богатые и зрелые, нежели наша школа за железной оградой. Однако, пока мы ждём, надо сказать, что в настоящее время мы столкнулись с некоторым затруднением философского и психологического характера, которое нашим не столь механизированным предкам показалось бы просто смешным. почти любой философии, - сказала Мать, - состоит в том, что различные планы сознания и различные области бытия не признаются и не изучаются. Философы придумали Бога-творца и его творения. Тут и начинаются проблемы. Он создал мир, но из чего? Некоторые говорят, что из пыли, но что это за пыль такая, и где она была прежде, чем из неё сотворили мир?.. Другие говорят, из ничего. Вселенная создана из ничего - что за бессмыслица! Для логического ума это просто невысказано! Наконец, вам сообщают, что "Он" творил мир сознательно и желая этого, а, закончив работу, воскликнул: "Это хорошо весьма!" Я считаю, - добавила Мать, - что одна из главных трудностей понимания происходит от того, что мы совершенно произвольно ставим по одну сторону Дух, а по другую - Материю. Именно из-за этой глупости мы ничего не понимаем. Тут дух, а тут материя - очень удобно. Если что-то не принадлежит материи, значит оно принадлежит духу. Но что называть Духом, а что материей? В мире множество предметов, бесконечная лестница. Вселенная - это бесконечная череда миров и состояний сознания, а граница материи и духа очень тонка. Как узнать, где кончается одно, и начинается другое?.. А философы говорят: "Освободите дух от материи, умрите, и дух будет свободен". Вот из-за этих глупостей мы ничего и не понимаем, ведь на самом деле мир совсем другой!> Чтобы достичь самом деле>, Мирре понадобится восемьдесят лет, потому что миры и планы сознания сами по себе - ещё не весь мир; нечто таинственное и очень простое станет, возможно, революцией будущего мира. Новый мир в маленькой клетке. Наша основа - тело - оказывается и нашей последней тайной. Даже главная наша беда - смерть - ведёт к высшей победе. Наверное, польза в том, чтобы ткнуть нас носом в материю и силой подвести к нашей собственной тайне, отбросив от поисков так называемых духовных вершин, до сих пор никого не спасших. К сути вещей ведёт долгая дорога, но все повороты и тропинки великого эволюционного леса складываются в прямую, подготавливающую сознание и формирующую Шапки в наших телах.

Растущее тело

В общем, о формировании Шакти и идёт речь. Древние Риши говорили о , которые выковали в себе богов, как железо>*. *Синтез Йоги. Все эти миры и планы на своём месте прекрасны, как бразильские леса или Ниагарский водопад, но что нам толку от всех на свете лесов и водопадов, если мы не можем взять из них несколько капель для нашей водяной мельницы или цветов для нашего сада - или это привилегия гениев? У каждого из нас есть дверца, выходящая на эти великие поля, надо только открыть её. Как и у Мирры, у любого есть маленький пульсирующий , сообщающийся со всеми мирами, он подобен радужным щупальцам теребелла. Надо знать, где нам хочется жить, и где мы находимся; надо знать, чего мы хотим: нажать на кнопку кошмаров и утонуть в болотцах тысяч желаний, что делают жизнь серой и унылой, или открыть двери наверху и оказаться в безбрежных просторах, которые постоянно обновляют нас и делают шире. Жизнь с открытыми глазами является переводом жизни с закрытыми глазами; здесь мы продолжаем историю, сложенную в другом месте, - история может получиться великолепной, можно добыть силы или свет, которые дадут жизни новый ритм и, может быть, даже изменят её. Ведь огромный калейдоскоп беспрестанно вращается, ожидая, пока мы не позволим ему пролиться дождём цветов, чудесных рисунков или великих Ниагар, неизвестных нам, но несущих изменение мировой судьбы. Все центры нашего инструмента должны быть настроены на прекрасную частоту, на широкий ритм, мы должны пустить сюда гармонию, соразмеряющую все наши поступки, неважно, великие или малые, ибо если ритма нет здесь, в ничтожной секунде, в каждом шаге, то его не найдёшь нигде.

Мирра желала, чтобы он наполнил не только Её, но и всех. Странно, эта девушка, чьи корни уходили в далёкие времена, вместе с тем, казалось, могла обнимать собой и величайшие пространства, будто Она могла вмещать в себя расстояния точно так же, как и годы, словно пространство является одним из измерений времени, или же сознание расширяется в соответствии с опытом, пережитом во времени, и мы словно бы всё время растём, но в другом, более тонком, теле опыта, выковывая всё более и более обширное бытие. Одни куют себе садик с единственным цветком, другие - парк, а у тех, кто долго плыл в потоке великой Шакти, выходят моря и реки, эти люди знают, что такое боль и борьба, но и в огромной радуге они видят гораздо больше одного цвета. Они много любили, возможно, они любили всё. было лет тринадцать, - рассказывает Мать, - каждый вечер, едва я ложилась спать, я чувствовала, как выхожу из тела и поднимаюсь над домом, над городом, очень высоко. На мне было чудесное золотое платье, и по мере того, как я поднималась, оно удлинялось и огромной крышей ниспадало на город. Я видела, как со всех сторон тянутся мужчины, женщины, дети, старики, больные, несчастные. Они собирались под кровом платья, просили о помощи, перечисляли свои несчастья, страдания и беды. Платье, гибкое и живое, тянулось к ним, и как только человек касался его, он утешался или исцелялся и возвращался в своё тело более счастливым и сильным, чем прежде. Ничто не казалось мне более прекрасным, ничто не давало мне больше счастья; все дневные занятия казались скучными, серыми и безжизненными по сравнению с ночной деятельностью, которая была для меня истинной жизнью>.

Но тонкое тело, возможно, тело страданий мира, распространялось не только над городом, не в одном только направлении, оно казалось неизмеримым, а иногда меняло и цвет, и размеры. Мирра заметила, что в зависимости от района, где Она гуляла, тело или тела, или существа в Ней приобретали разные оттенки, менялось даже движение, словно Она понемногу росла в различных планах своего существа, в различных направлениях - и каждая из жизней, будь это в Египте или где угодно ещё, каждое из тысяч мест, где нам доводилось бывать, бедными или богатыми, принцессами или монахинями, все они представляют один тип опыта, вибрации или ноты, особенно милой нашему сердцу, один центр, на котором мы особенно сосредоточили усилия - к Материи>, скажет Мать - и так будет продолжаться, пока все центры и ноты не

настроются на один ритм, и мы не сложимся в более или менее единое и полное человечество, живущее на всех планах и властвующее над всеми цветами и ритмами. Мы понемногу куем тела опыта (или, если угодно, личности), соответствующие тем или иным центрам, в них отражаются тысячи пройденных нами шагов, наши труды и муки; тела растут, ибо движение никуда не исчезает. Всё, что есть - есть всегда, а если нам удалось создать ручеек, бурный поток или проклятие, то мы вновь обретём их даже через тысячи лет, но они уже станут рекой, океаном или вселенской катастрофой. Надо знать, что ты взращиваешь. В отличие от нас, Мирра создала отнюдь не один мир, у неё было отнюдь не одно существо, но одни существа приходят и уходят, а другие широко открывают глаза и помнят. Одни сложены из плохо подогнанных и по-разному развитых частей, постоянно спорящих друг с другом, подобно тупоголовым гномам или тёмным пигмеям, а другие объединяют всё свое королевство и подчиняют жизнь Великой Гармонии. Они создали в конце концов так много сущностей и миров, что кажется, будто в одном сознании заключен весь мир. Наверное, опыт именно такого рода посетил Мать в храме (наверняка, Она впервые очутилась в подобном месте). первых переживаний случилось со мной в храме; я пришла на свадьбу. Мы с матерью сидели в галерее наверху и слушали чудесную музыку. Её играли на органе (великолепный орган - второй в Париже). Мне потом сказали, что это был Сен-Санс. Значит, мне четырнадцать лет, я сижу в галерее, вокруг окна, совершенно пустые, без всяких витражей. Я заглянула в одно из них и вдруг (а от музыки я как бы парила) сверкнула вспышка, яркая, как молния. Глаза у меня были открыты, и вспышка проникала прямо мне в грудь. Я почувствовала, что будто бы расту и становлюсь бесконечной и всемогущей. Так продолжалось несколько дней...>

Хорошо бы описать все миры и тела, но говорить о них высокопарные академичные слова было бы несправедливо по отношению к Матери: она никогда не любила положения, столь же догматичные и не терпящие возражений, как Десять Заповедей Господних (Она, кстати, считала, что последние плоски! ...Надо же было Моисею лезть на Синай, чтобы услышать такое!). Вот и мы не полезем на Синай незримого, чтобы втиснуть его в дюжину параграфов. Да, таких миров действительно двенадцать, но как их не разделяй, мы по-прежнему будем пытаться по-иному взглянуть на вечно ускользающую от нас землю: да возможно, мы ещё и не видели её по-настоящему! Ещё есть что открывать, ещё не всё сказано, даже теми, кто причастен высочайшей мудрости (наверное, она слишком высока). Можно только удивляться - но что тут удивительного? - девушка с площади де Руль в век позитивизма и просвещения обнаружила то же, что Риши и многие другие мудрецы семь тысяч лет назад, но таковы факты. Более того, Она не придавала этому особого значения, во всяком случае, этой тайне она уделяла внимания не больше, чем тысячам других, уже совсем не таинственных для нас: ведь мы прикрепили к ним аккуратные и мудрые ментальные ярлычки и привыкли к этим тайнам так, что их для нас будто бы и не существует, хотя, если отбросить нашу привычку к миру и удобные ярлычки, мы бы, возможно, открыли множество вещей, ещё более таинственных, чем Элевсинские мистерии.

Вот и мы не дадим ни рецептов для , ни описания миров: другим свой образ мысли всегда казалась мне странной... У вас есть опыт; старайтесь сделать его как можно более правдивым и совершенным, но оставьте другим их опыт>. Так просто. Главное - знать, что опыт есть и снять очки привычки. Важно знать, что нам есть на что смотреть, причём взгляд наш должен быть лишён позитивистских и вообще всяких догм. Позитивным должен быть наш опыт, вот и всё. Самое удивительное то, что, стоит хотя бы попытаться узнать, двери к открытию откроются сами собой, словно могучая маленькая вибрация, покоящаяся в вещах, откроет невидимые окошки в привычных мелочах, и всё заговорит, начнёт рассказывать свои нескончаемые истории, будто сами наши слепые шаги, без знания, но с одним лишь желанием узнать, слагаются в дорогу. Искреннее усилие словно творит в нас тело Шакти. И мы идём от одной

дверцы к другой, от открытия к открытию, и там, где были пыльные бульвары и бестолковые прогулки, обнаруживается смысл.

Мы переходим от жизни к жизни, от опыта к опыту - от одного способа прикоснуться к Материи к другому, пока тело опыта не вырастет до размеров Вселенной.

Ведь смысл эволюции прежде всего в том, чтобы развить тело Шакти в нас. Мы думаем, что воюем и совершаем революции и отправляемся в крестовые походы, что создаем философию, социализм, капитализм и империи от Геллеспонта до Бактрии, машины или литературу, хорошую или плохую, маленьких детей, но всё это - только развитие Шакти в нас, в хорошем, плохом, социализме, деспотизме, даже в машинах или в нашей глупости повсюду простирается огромная империя Шакти, а мы пытаемся ограничить её, под всеми именами и лицами, под чёрной или белой кожей, за грехами и добродетелями - это одно и то же, - в поражениях и триумфах, - везде одна и та же Шакти, один и тот же кусочек великой Среды, которую мы обживаем, собираем и по зернышку складываем в амбарах мышления и чувств, подобно пчелам великого Луча, и этот труд тянется день за днём в трудах, муках и бесчисленных жизнях, то в одном наряде, то в другом, то с философией, то без неё, то с религией, то с разноязычным вздором: мы индивидуализируем Великую Шакти, барахтаемся в ней, как головастики в стремительном потоке, - они станут птеродактилями или мышами, математиками или бродягами. Кто станет кем? Некоторые существа полностью ограничены своим телом и его функциями, они копят зернышки Энергии лишь затем, чтобы не остановилась их маленькая машина. А когда машина всё же ломается, остаётся только то, что им удалось вложить в неё, и они исчезают без следа, потому что не содержали ничего, кроме горючего; любая философия полностью лишена смысла, если она обходится без живой субстанции, способной уловить хоть несколько капелек великой Шакти. А куда такие люди попадают во время сна? И внутри их тела и вне него равно царит ночная тьма, ибо они добыли только то, что помогает их телу быть здоровым и хорошо работать - как во сне, так и в смерти, люди уходят в те края, которыми они сами являются. А если человек представляет собой только мыслящее желе, он может уйти только на переделку. Чтобы куда-то уйти, нужен транспорт. Чтобы покинуть своё тело, кто-то должен из него выйти - это очевидно.

А кто выходит? Некоторые существа собрали капельки великой Шакти мечом или резцом, религией или отсутствием таковой, какая разница! Им помогал всякий предмет, попавший в их руки - пианино, кисть, эти люди переживали каждую минуту так, словно должны быть только в этой минуте, неважно, кем, но быть, а не брести сквозь жизнь от одного занятия к другому, делая тысячи шагов в пустоте. Эти люди копили и копили искорки великой Энергии повсюду, в бунте и покорности, в да и нет, в чём угодно, лишь бы оно было живым, лишь бы оно было. Что остаётся, когда мы закрываем книги, перестаём махать руками, останавливаем шаги, тысячи шагов по жизни во сне или в смерти? Остаётся только это, капельки бытия без религий, партий, занятий и знаний - такие простые и живые. Вот и всё. Они малы и бессмертны, ибо какому огню под силу уничтожить Энергию, поддерживающую жар звёзд?! Капли копят в нас часами, днями и жизнями, и в конце концов складываются в недоступное разрушению тело в нас и вокруг нас; оно окрашено в наш цвет, оно несёт нашу меру бытия и нашу силу. Вот это и есть наш транспорт. Собранная в нас Шакти может находиться в любом времени, в любом месте и подчиняется гравитации лишь настолько, насколько тяжелы мы сами. Некоторые люди сосредоточивают все свои малые силы в одном-единственном деле; они хотят только знать, знать больше, хотят любить, любить больше, хотят действовать и действовать как можно чаще; они распространили свое пламя на маленький круг семьи, или на маленький круг отечества, или на широкие круги, и растворили свою маленькую личность в любви к земле или ко всему, слили свою малую силу с Великой Силой. У них множество цветов и множество тел: тело собранного

ими знания, тело собранной ими любви, тело их действия, - множество тел, сияющих всеми центрами вибрации; эти люди освоили все ноты своих диапазонов, все цвета силы. Они расширились дальше и дальше, действовали всё активнее и активнее, их тела росли в каждой эпохе, под любой широтой, при любом деле, они выросли, в конце концов, настолько, что у этих людей не было нужды куда-либо уходить или изменять среду, поскольку всё стало их телом, и Шапти стала их средой.

Поэтому они откроют высший способ прикоснуться к Материи и высший образ бытия. Следующего тела на земле.

Возможно, никакого и нет, а есть лишь единственный образ, растущий вечно.

6

ОТ ИСКУССТВА К МАТЕРИИ

Она начала в 19 лет, выйдя замуж за Анри Мориссе, учившегося в Школе Изыщных Искусств у Гюстава Моро. Странно говорить о по отношению к Ней, в чьей памяти было так много разных жизней, блестящих, жестоких, светлых, тёмных, таинственных, не говоря уж о тех, о которых нам вообще неизвестно. Её перспектива мира существенно отличалась от нашей, спешка и лихорадка, присущие нам, полагающим, что мы падём замертво в конце пути, по истечении нескольких лет, полных борьбы и страданий, перемешанных со скудными радостями (тем более, что мы даже не знаем, дадут ли наши труды хоть что-нибудь, помимо чуждого нам потомства), - такая лихорадка была совершенно несвойственна Ей. Нам же придется признать полную абсурдность окружающего мира, хотя нашим куда менее образованным предкам такой взгляд на вещи показался бы сущим варварством. У Неё всё было по-другому. Она иначе прикасалась к Материи, иначе шла по открытой дороге, с каждым шагом становившейся всё яснее и шире: учат. Проживи я хоть тысячу лет, а то и больше, я бы по-прежнему училась, каждый день узнавая что-то новое, так как вчерашняя истина не истинна сегодня, а сегодняшняя - завтра>. Однажды ребенок спросил Её, что случится с душой Бетховена (конечно, он был уверен, что гений должен родиться во второй раз сверх-гением и сочинять сверх-квартеты), а Мать со своим неизменным юмором ответила: возможное он будет сапожником!> Ведь открытая дорога представляется нам столь же абсурдной, сколь абсурден отрезок извилистой тропинки, по которой мы поспешно семеним к своей цели - стать сверх-тем-что-соответствует моде, нашим взглядам и знаниям, - к счастью они подвержены изменениям. Но что неизменно? Что постоянно? Она успокоила обескураженного незавидной судьбой Бетховена ребёнка: падение, просто он взглянет на ту же проблему под новым углом>. Так что за проблема встает во все времена и в каждом времени?

Жизнь художника

Шаг из Луксора или Палаццо Дукале на улицу Лемерсье (там находилось ателье Мориссе) отдавал святотатством, но все события в мире суть вешние проявления, таящегося в каждой вещи и существующего лишь благодаря ей.

Итак, год 1897, до смерти Гюстава Моро остался один год, Рембо умер шесть лет назад. На картинах импрессионистов взорвался свет, волны пошли по всей Европе и вернулись на берега Сены новой тысячецветной палитрой. Моне пишет берегу Эпта>, а пуантилисты испещряют полотна микроскопическими точками в жадном стремлении распылить Материю и извлечь из неё совсем уж невиданные оттенки и свет. Неоимпрессионисты, экспрессионисты, фовисты уже чертят на холстах дикие линии канареечно-жёлтого неба и кирпично-красных деревьев: они раскрасили мир в цвета своей души или того, что не имеет ничего общего с внешним обликом предмета. Руо оттеняет лица на своих портретах наподобие барельефов, целые века жили в них, и глаза ассирийца с удивлением смотрели на наш мир. Как и Мирра, живопись прорвала корку

мира в поисках неуловимой тайны. Фламенка это головокружительное приключение заставило бросить скрипку. Брак и Пикассо с яростью голодных волчат набрасываются на старый принцип связи вещей, желая окончательно растерзать его. Роден без конца переделывает, и из хаоса души вот-вот выплеснутся новые небеса.

И Мирра видела это.

Она открывала глаза, Она смотрела на всё это с улыбкой Моны Лизы и смеялась: Её забавляло всё. Она играла со всем на свете, и, смеясь, отлично улавливала то, что другие стискивали в кулаках, рвали зубами, разлагали на части на полотнах или дробили в камне. Матисс и Руо, как и Мориссе, учились у Гюстава Моро. Мирра знала и их, и старых импрессионистов - Ренуара, Дега, Сислея, Синьяка и того, не изображал тарелки круглыми (это Сезанн), но был прав>. Её взгляд никогда не останавливался. Её жажда была не слабее, а может быть, даже и сильнее, чем у художников. Когда те останавливали поиски, Она продолжала копать и углублялась в Материю, стремясь вырвать у неё тайну. Уже в семьдесят семь лет Она, обладавшая столь утончённой культурой, восклицала, глядя на картины наших современников: , что такие работы вызывают полное отвращение к другим художникам!.. Да, им удалось отбить у меня вкус к классической живописи... Когда-то я смотрела на картины Рембрандта, Тициана, Тинторетто, Ренуара, Моне и чувствовала радость. Её больше нет; эти полотна полностью лишены радости... Конечно, когда я вижу подобных художников, мне совсем не до удовольствия, но в их произведениях есть нечто такое, что заставляет исчезнуть всё прочее. Может быть, небольшое усилие, небольшой рывок в сторону будущего поможет нам найти формулу новой красоты>.

Она видела это... случайно? По существу, с 1789 года не было более глубокого переворота; Эйнштейну исполнилось восемнадцать, когда Мирре было девятнадцать. Скоро Макс Планк обнаружит вслед за пуантилистами, что свет движется не благодаря вселенской мудрости, а . Над яблоком Ньютона нависла опасность, ибо новое яблоко гнало нас из рая. И это не всё.

Конечно, Её любили все. по тридцать - тридцать пять, а то и по сорок лет, а мне - девятнадцать, потом двадцать... я была всеобщей любимицей>. Что-то неуловимое открывало Ей любые сердца и двери, то же было и у Миры Исмаун, но ни экстравагантность ни гардероб (мои лакированные ботинки потрескались, и я просто покрасила их, чтобы это не бросалось в глаза!>) тут были ни при чём, а говорила Мирра куда реже, чем смеялась: Она без слов доходила до самого сердца вещей, срывала с предметов маски внешнего облика и подступалась к вибрирующему средоточию вещи; художник может уловить её, но вряд ли сумеет дать в этом отчёт хотя бы себе самому. А кроме того, в характере Мирры мягкость соседствовала с спокойным и убийственным чувством юмора и непосредственностью восприятия: Она моментально находила место каждой вещи, причём делала это так просто, что никто даже представить не мог, и все разражались смехом. Даже Роден доверял Ей. Вокруг него было так много секретов, так много интриг - они завязывались между его женой и натурщицей, между искусством и тяжелой истиной, которую он хотел без прикрас запечатлеть на полотне или в камне, - все эти интриги представали перед Матерью в своей первозданной чистоте. Если бы Мирра записала воспоминания, у нас бы были замечательные мемуары, но всё это представлялось Ей мимолетным ветерком, а сама Она находилась уже гораздо дальше, в кузнице будущего, и интересовали Её прежде всего те, кто всегда и под любыми формами работал там. Когда она проходила мимо, все знали, что идет именно Она. Мы представляем себе Мирру в длинном, по моде тех дней, платье, с осиной талией, сжатой корсетом, волосы на голове собраны в высокий шиньон, напоминающий ятту Шивы; на круглых щеках играет румянец, свойственный выходцам с Ближнего Востока, бесстрастное лицо готово в любую секунду взорваться смехом или застыть, если Она начнёт вглядываться во что-то, но самое главное - это

глаза, перенимающие все цвета на свете. Миррасловно сошла с полотна Ренуара, но никакой Ренуар не написал бы Её глаза, да и, вообще-то, Она ужилась бы на многих полотнах, в зависимости от дня и часа, в который мы заставляли её: Мать напоминала мне картины Клуэ, египетские маски, монгольские миниатюры (а однажды мне показалось, что Она похожа на кошку). Такая представляется нам величайшей странностью - но что тут для Неё? Ведь Она становилась тем, на что смотрела, и проникала в предмет настолько глубоко, что сливалась с ним, будь то питон в Зоологическом Саду, герань в Тюильри (весёлая: ничто её не тревожит>), опаловые солнечные блики на поверхности спокойных рек у Моне, горе этого человека, беда того, - и, наконец, всеобщая вездесущая мука. Она входила в картины, в живые существа, в кошек, в камни, обтёсанные как скульптором, так и ветром, оставляла в сердце каждого то, что не смогла бы оставить никакая Мира Исмаун.

Разделение

Странная Мирра.

Но всё это оставляло Её неудовлетворённой. Она искала более глубинной революции, нежели восстание линий и цвета; Эйнштейн или Планк заинтересовали бы Её скорее, чем импрессионистский бунт. Впрочем, всё связано: новый, ещё неизвестный фермент начал подтачивать старый фасад Материи.

Шри Ауробиндо в Бенгалии начал революционную деятельность. Она искала повсюду, широко раскрывала глаза, пускалась в самые разные, и сплошной чередой шли хаотичные и неожиданные новые переживания. Теперь их героями стали люди. Что это означало? Да, можно писать прекрасные картины, спорить ночи напролёт, посметь положить на холст такую вот линию или этакий вот цвет, обтёсывать мраморную глыбу, лепить из глины, но что такое жизнь - первоматерия без красивых завитушек и рамы? Всё остальное - яркая, опаловая, или лимонно-жёлтая, или какая угодно ещё пена, покрывающая серую, унылую и блёклую массу (? Просто пена на поверхности>, - говорила Она), иначе жизнь превращается в кисть или резец, или ещё что-нибудь в этом роде, а всё остальное - в интервал между двумя взмахами кисти. Так где же жизнь, настоящая жизнь? Тёплый и живой цвет на полотне часто отсутствует на лице художника, написавшего картину, а с Миррой всё было наоборот: стоило Ей открыть глаза, и картина изменялась; иногда она была любопытна на вид - черты становились прозрачными, и появлялись новые линии и новые цвета, не всегда красивые, зачастую тёмные, иногда она даже видела вместо человека безголовое грязное месиво, а порой голова окрашивалась в разные цвета, в зависимости от настроения её владельца, а всё в целом представляло собой что-то вроде разноцветного контрастного коллажа, хотя цвета могли быть грязными и ничуть не походить на прекрасное творение художника. Если бы Мирра посмела написать то, что видела, Её работы показались бы куда Пикассо. Но за Пикассо ещё и не брался. смотрю на человека, состояние его сознания я физически воспринимаю как внешний облик. Меняются его глаза, лицо, тело, даже цвет и форма... В одном и том же человеке есть всё, и всё постоянно изменяется - меняются вибрации, неизменен только внешний вид, но это - пустая оболочка. Состояние людей заметно - видел бы ты, что это такое!.. Бесконечные формы, лица, жесты, словно перед тобой не человек, а коллекция набросков умелого карикатуриста. И всё крутится, крутится, изменяется, - очень интересно. Только суровый человек или злодей не увидят этого, - тут нужна чуткость, чувство юмора и ирония. Формы просто бурлят.. А те, кто наглухо закрыт в своей кожаной сумке, кажутся инертными и искусственными>. Так почему же одна картина может быть не столь красивой, как другая? Зачем ставить жизнь ниже её изображения, удачного взмаха кисти в сердце? Работать с человеческой материей Мирре было интереснее, чем раскрашивать холст, мало напоминающий прообраз. А если картина получится красивее? В целом, Мирра выводила

мораль в первую очередь из эстетики - да и греки делали то же самое. Просто мы не уверены, что все их Аполлоны на самом деле не таят в себе того же самого горя.

А Мирра вообще не выносила лжи. Честность видна уже в цвете человеческой мысли.

Она вела ровно десять лет, до развода с Мориссе; именно в тот год Пикассо начнет - совпадение? художников представляется мне уже возделанной почвой, - заметила Мать. - Когда они пишут, вокруг них великолепная красота, но в обычной обстановке они, как правило, имеют очень мало общего с искусством, и представляют собой весьма плоских и заурядных людей>. Мы не знаем, относится ли это к Мориссе, - Она никогда не говорила о нём, - но проблема не в этом. Мирру давно ужасал раскол бытия - раскол всего сущего - между искусством и жизнью, тем, что есть и тем, что мы делаем, идеалом и повседневностью. Вечное разделение Материи и Духа. А ведь начинается не на некоторой высоте над уровнем моря, если его нет в самом обычном поступке, его либо нет вообще нигде, либо первый же просчет на житейском уровне уничтожит его. Нам ещё предстоит открыть силу и увидеть, как все цивилизации, духовные или научные вершины, одна за другой, да, в общем, и наша жизнь, и наше собственное тело, рушатся под давлением самых что ни на есть обыденных причин: вмешательство, щепотка пыли, тысячи пустяков. Обычно дух не утруждает себя заботой о них, но именно они заполняют, а в конце концов и пожирают, жизнь. Да и какие же это, если нам надо пятьдесят, а то и шестьдесят лет на то, чтобы осознать их разрушительную силу, тем более, что эти годы мы проводим в бессмысленных блужданиях среди миллионов безмолвных смертей, ждущих своего часа. Я вспоминаю одну беседу (да простит читатель это отступление). Некий человек жаловался на свои проблемы, а я сказал, что ему достаточно, то есть найти для микроба вечности в пространстве и времени место в океане, тянущемся до Тихого океана и Малайзии под вращающимися галактиками. Конечно, космическое сознание должно избавить вас от зверя. Но он мстит - он вообще не тонет. Собеседник ответил: , но ведь эти микробы и создают галактики>. Разрушают галактики тоже они. На самом деле, мы будем умирать до тех пор, пока не вдохнём дух в самого распоследнего микроба. Может быть, все цивилизации погибли лишь затем, чтобы выучить этот урок.

Но ведь цель нашего пребывания здесь - не создание цивилизаций. Мы должны найти новый подход к Материи, и вооружиться не мыслями, не ярлыками и кистями, а чем-то другим.

Мирра была слишком . Она слишком любила Материю, чтобы поддерживать раскол и не одухотворить всё, или, скорее, не освободить дух во всём, ибо везде Она видела одно и то же целостное и всеобъемлющее сознание. , - скажет Она. создана только для того, чтобы соединить полюса, две крайности сознания. Когда они будут едины, мы увидим, что противоположности являются одним: они едины и вместе с тем бесконечно многообразны>. А в Калькутте Шри Ауробиндо, захваченный революционным движением, открывал ту же истину и исследовал, как бесконечность Духа проявляется в самом грубом или обыденном действии: - напишет Он, - по большей части проклиная Материю, отказ от физической жизни или смиренная стойкость по отношению к ней оказываются для них критерием религиозной истины и духовности. Древние верования, более терпимые и продуманные, не знали такого разделения: они признавали как Мать, Землю, так и Отца, Небо, равно любили их и равно почитали. Но для наших глаз древние мистерии тёмны и непостижимы, какими бы ни были наши взгляды, материалистическими или идеалистическими, всё равно, - гордиев узел проблемы существования нам хочется разрубить одним махом и принять либо бегство в вечное блаженство, либо исчезновение во всеобщем небытии или покое>.

Мы вспоминаем чудесную строку Шри Ауробиндо:

Дух прикован к золотому столпу блаженства.* * Савитри

А материя прикована к чёрному столпу смерти. Догма, гласящая: к смерти>, - столь же

лжива, сколь и другая: к небу>. Мы движемся не к смерти и не к небесам, а куда-то туда, где нет ни Материи в том виде, как она представляется глазам ментальной гусеницы, ни небес, как они видятся духу; этот край могут увидеть только совершенно другие глаза. Очень может быть, что нам придётся разрушить последнюю догму - смерть. Но для этого человек должен снизойти до мельчайшей, клеточной, ибо до сих пор, увлечённый куда более занимательными картинами, он просто не обращал на неё внимания. А ведь как дух не начинается с некоторой высоты над уровнем моря, так и смерть берёт начало не в *rigor mortis**. * (лат.) - трупное окоченение.

Шри Ауробиндо и Мать несут в себе целую историю новых отношений Духа и Материи. Открытие третьего слагаемого изменит и Дух, и Материю, и откроет двери новому земному виду.

Очищение материи

Как должна была Мирра взяться за это? Какой дорогой идти?.. Трудно сказать. Она, наверное, и сама не знала как следует: мысли моя дорога должна быть чиста>, - заметит Она. Легко сказать: во-первых, во-вторых, в-третьих... сначала Она сделала это, затем - то, такие-то упражнения, такие-то медитации - и вся дорога вроде бы упрятана в коробку. А Она с прежним озорством могла отступить вправо или влево, забежать вперёд или сделать вообще что угодно и запутать всех. Или только головы; мы ведь думаем, что йога - обычное занятие, вроде упражнений с гантелями, геометрии или плавания под парусом. А вот Она не знала, что такое йога, никогда не слышала разговоров на эту тему, что же до, то Мирра чем-то занималась и всю жизнь, поэтому дорога для Неё простиралась вообще повсюду. Конечно, можно попытаться поймать Мать на каком-нибудь повороте, но Она просто посмеётся и мы увидим, что Она уходит уже совсем в другую сторону... Тяжела задача её нынешних и будущих летописцев, если только они не пожелают вести себя в обычной смехотворной манере: Мать...>, или Мать...>, - Мирра говорила всё, даже противоречила своим словам, а поступки Её бывали порой слишком необычны: всегда было действием. Действие, действие и ещё раз действие. На самом деле, это означает постоянное творчество, Я могла быть эрудитом, писательницей, художницей, но мне никогда не хватало терпения. "Что-то" всегда исчезало слишком далеко и слишком высоко>.

Такая скорость была не по плечу Мориссе, поэтому их дороги разошлись - никаких скандалов не было, они с Миррой остались добрыми знакомыми; он даже женился вскоре на Её подруге. Мы почти ничего не знаем о нём кроме того, что он, по примеру прочих членов этого святого племени, был неверующим; кроме того, Мориссе был неплохим человеком, может быть только чуточку легковесным и не желавшим вдохнуть в свою жизнь то, что он вдохнул в свои картины. Мирра никогда не пыталась или переубедить мужа. Это полностью противоречило Её натуре. Она от рождения прекрасно чувствовала, что такое абсолютная свобода: не освободится полностью, он не станет правдивым>. Позже Она с обезоруживающей простотой ответит на упрёки в том, что Она недостаточно строга с некоторыми заблудшими овцами: в разных людях по-разному - иначе на всём свете была бы одна-единственная живая душа!> Когда Мориссе закрыл глаза, чтобы отойти в мир иной, он думал о Мирре и просил прощения у Неё. своя дорога; остальным нечего на ней делать>. Вот так, всё просто.

Просто, но трудно, если быть честным.

И всё же, Она родит сына, Андре, который тоже станет инженером (наследственная болезнь). Родит Мирра ровно в 20 лет. Но не этого Она ожидала от жизни и от Мориссе: о великой взаимной любви, свободной даже от следа животных проявлений - скажет Она устами одного из своих персонажей. - Смысл здесь в том, чтобы физически воспроизвести великую любовь, лежащую в основании миров. А производить на свет детей... физически я никогда не ощущала себя матерью. Этим занимаются миллионы людей, так что же, мы должны начинать

всё с начала? Да нет, не затем люди рождаются>.

Не затем люди рождаются... Мы - тайна для самих себя, мы замурованы в кожаный мешок, заполненный всем подряд: мать, отец, география, законы, история, самые разные истории - но где наша история? - друзья, семья, дела - а мы что делаем? - жена и дети, начинающие сначала ту же самую историю... мы-то её так и не начали - разве мы прожили хотя бы одну секунду, маленькую секунду, принадлежащую только нам, а не дедушке, или прадедушке, или друзьям друзей? Различаются только вечное перо или стетоскоп в руках, коричневый или белый цвет платья жены, религии, соломенные шляпки и библиотеки, рассказывающие историю, которая ещё и не начиналась. Мы не успеваем перевести дух, а вокруг уже громятся две тысячи триста тайн. Но по правде говоря, тут вообще нет тайны; просто вместе с отцом, бабушкой, географией и законами на нас взвалили ещё что-то. Вот мы думаем, что должны то, это, и бегаем за книгами, в которых говорится о том, что другие выучили от третьих, добавив туда несколько тайн и уравнений, чтобы половчее упрятать в коробку ими самими созданную великую Тайну. Мы перескакиваем от объекта к объекту, мы меняем миллионы объектов, и лишь затем, чтобы заполнить бездонную дыру субъекта? Его, очевидно, здесь нет, но где же он? Он запечатлевает себя в миллионах копий, он гонится даже за тем, чего нет. Он изобретает часы, телефоны, но самого себя изобрести даже на кратчайший миг он не сумел. Да был ли он вообще, был ли он на самом деле, без примесей, которые он добавляет себе сам - без философии, религии, тысячецветной оболочки? в грязной трясине, и нам надо вычиститься, - говорила Она. - Знание, знание! Я знала только самые заурядные вещи - это внешнее знание, - но узнала всё, что было дано узнать: не только то, чему меня учили, но и то, чему учили моего брата - высшую математику, и так далее. Я училась и училась, - но это ничто. Ничто ничего не объясняло, и я не могла понять ни единой вещи>.

Мирра вычистила безбрежную трясину тайны. Она хотела видеть мир ясно - никакой тайны, это важнее всего! Она заглядывала в себя, и Она видела там всё: Матильду, Большого Турка, соседку соседки - . - четыре или пять Цветов - и разведите их в воде. Получится серая неразличимая и непрозрачная жижа, правда? Где красное, где голубое, где жёлтое, где зелёное? Не понять, всё перемешалось. Вам придётся поработать, чтобы разделить эти цвета и расставить их по местам!>. Вполне возможно, что Та, кто в других жизнях прошла через множество, вновь родилась в материалистической и банальной обстановке только затем, чтобы, сбросив груз прежних посвящений, освободившись от цепей мудрости, обрести высшую тайну Духа в сердце Материи. Может быть, только так и можно ту же проблему под новым углом>. Угол может быть широкий или узкий, их миллионы, но все они происходят из одной точки точно так же, как Большой Взрыв разразился в одном-единственном атоме.

Прежде всего надо очистить Материю.

Она занималась этим в каждую минуту, на улице и на лестнице; самые ничтожные дела и незначительные встречи помогали ей. Жизнь вовсе не таинственна, просто мы не знаем, как жить. Мы не вылезает из болота, где бы мы ни были, и что бы мы не делали. Что же удивляться, если мы ничего не можем разглядеть? Наши мысли, эмоции и реакции не знают ни минуты покоя, но мы не встречаемся ни с чем, кроме нашей собственной смеси, в которой мы безнадежно запутались. Откуда же взяться чистой вибрации и чистому восприятию? С таким же успехом можно окунуть радиоприемник в ведро с дёгтем, а потом потребовать, чтобы он настраивался точно на ту длину волны, которая нам нужна. купаемся во всевозможных вещах: хороших, плохих, нейтральных, светлых, тёмных, - вокруг нас есть всё, а сознание, в принципе, должно действовать как фильтр... В общем, это и есть смысл физического существования: люди управляют некоторыми количествами вибраций, представляющими рабочее поле каждого человека. И это великолепно, люди не понимают, что это величайшая благодать: вселенная

организована таким способом, что субстанции, начиная от самых материальных, и заканчивая самыми высокими и духовными, собраны в одной маленькой личности, но подчинены Центральной воле. И всё это ваше, это ваше поле работы. Словно кто-то тщательно собрал вибрации и дал их вам, чтобы вы работали с ними и день и ночь, бодрствуя и во сне. Никто не отнимет их от вас, это чудесно!> Итак, целая сфера жизни приходит снизу - это семейные и родовые привычки, реакции, восанные с молоком матери - они , это громада воспитания; затем приходит мир горизонтальных вибраций, рушащихся на нас как вода на барабан мельницы, нас болтает из стороны в сторону - адская сарабанда, по сравнению с которой поездка в метро в час пик кажется детской сказкой. А мы каждый день добавляем к этой дикой смеси новые , встречи, новые , но нового в них ничего нет, разве что ментальные блуждания в ослепительно тёмных лабиринтах. Мы летим по большому кругу вокруг маленькой трапеции, и думаем, что это кругосветное путешествие. А что до трапеции, так даже не мы создали её. Что же здесь принадлежит нам? - мимолётное мгновение, не замеченное нами и улыбающееся неведомо кому.

Нет ни исключительных талантов, ни исключительных прозрений: просто одни машины ясны, а другие - нет.

Как только немного проясняется,.. просыпается интерес к миру. понемногу открывает глаза - совершенно свежие и чистые глаза, словно смотрит впервые. Тайн больше нет. Мы покинули таинственную и запутанную страну. Подобно Мирре, сидящей на стуле или под деревьями в лесу Фонтенбло, мы учимся читать великую книгу мира: пору я ещё не знала ни что такое медитация, ни как медитируют. Я сидела под большими деревьями, чувствовала в себе спокойствие и собранность, почти теряла связь с внешним миром и ощущала очень тесную связь с деревьями. Я была счастлива. Дружба людей с некоторыми деревьями может быть очень близкой. Они куда более привязаны и щедры, чем люди и могут дать защиту, неизмеримо большую человеческой. Если вы понравитесь им, то ясно почувствуете вибрацию их жизненной силы>. Мы изучаем новый поток жизни, текущий во всём, не знающий преград, связывающий всё и не ведающий о разделении времени и пространства. сказала, что река - хороший символ жизни, - заметила Мать. - В реке постоянна "вода". Капли могут быть разными, но они остаются водой, иначе не было бы реки. А в человеческом существе постоянно "сознание">. Избавившись от ментальной оболочки и тысячецветной чувств, реакций, и других бесчисленных , вовсе не принадлежащих нам, сознание течёт свободно и несёт бесчисленные знания. Мы обнаруживаем, что его сила так же конкретна, как электрическое или магнитное поля, и управлять ею легко: человек направляет луч, испускает его, отключает ток, пускает его там, где нужно, и так, как нужно. Мы получаем всё, что нам угодно. Мы видим всё, что нам угодно: мы видим, как приходят лёгкие и тёмные, наполненные симпатией или ненавистью, болезнью или несчастьями вибрации. Только чтобы изучить их качества, нужна огромная работа. Они не знают , - ужасного полосах добродетели и греха>, как говорил Шри Ауробиндо, неизменного дьявола чёрно-белого, просто некоторые вибрации , а другие , одни , а другие безумных и совершенно бесполезных извивах>. И вместо того, чтобы путаться в сплетениях горизонтальных вибраций, человек освобождается, постигает и получает целый мир вертикальных вибраций; он может поднять над своим черепом антенну и постепенно, шаг за шагом, мир за миром, план за планом, изучить вибрации, приводящие в движение и мир, и людей, и события: даже то, о чём не имею ни малейшего представления>, - воскликнула однажды Мать. Да, всё здесь. Надо только черпать в потоке Великой Шакти. Она говорила со своим неизменным юмором: - это попытка заменить сознание библиотекой внутри!>

Да и откуда взяться горю, если мы так обширны? Несчастливы лишь те, кто мал и замурован в теле.

Мы вышли из ментального кожаного мешка, или - чудесного шатра с разрисованными клоунами, окрашенными цветами, танцовщиками и акробатами, крутящимися вокруг трапеции, - такое зрелище никогда не надоест: лёгкость, прыжки сквозь горящие круги, жонглёры... но стоит покинуть этот шатёр, такой огромный, такой красивый и так ярко освещённый... ацетиленовыми лампами, и мы понимаем, что это маленькая палатка, затерявшаяся в бесконечности. Можно просидеть в ней пятьдесят лет, а можно и целые столетия. Вы думаете, что вы - канатоходец, шут, наездник, мальчик, девочка, мужчина, женщина, собачка, лошадь, камень, море, сознание; вы воображаете себе всё, что угодно, а лучше бы подумать, что вы - Единое>. Здесь и начинается тайна.

без уравнений.

В 1905 году Эйнштейн впервые опубликовал уравнения, связывающие Материю и Энергию.

7

НАСТОЯЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Она в одиночку продвигалась сквозь мир, лишённый внешних обличий. Даже те, кто слышали первый удар набата - или первый перезвон колокольчиков - прогремевший над их красками или наукой, не знали, что они делают. В лесу будущего глаза у нас завязаны, хотя именно оно подталкивает нас вперёд; оно уже здесь. Мирре было года двадцать три - двадцать четыре. Не ведая страха. Она одна шла сразу через несколько миров, и очищенная Ею Материя, казалось, всё глубже и глубже тонула во времени, не знаящем часов, в пространстве, не знаящем расстояний, и в странной географии, смешивающей прошлое и будущее; твёрдая и тяжелая Материя растекалась под натиском мощных потоков, и неприкосновенной оставалась только её хрупкая корка - бесполезная, почти несуществующая, и всё-таки крайне нужная её материалистической душе: казалось, что в этом осколке погасшей звезды - ключ ко всем остальным звёздам, что в крошечной клетке собрана вся сила, приводящая в движение миры, а в беспричинном порыве, заурядной обыденности - финальная сцена, в которой завязываются и развязываются все узлы других миров. Так в мелочах полностью представлено то, чьи законы движения наугад искала Мирра. К счастью, не дал Ей знания о буддизме, иначе Она бы уверовала в иллюзию Майи, - на Её долю выпал благословенный дар не знать вообще никаких; с невинной душой и открытыми глазами Она в одиночку продвигалась вперёд; так неужели Её путь хуже пути людей, что идут, зажмурившись? Да и кто поручится в истинности любого направления там, где есть только что-то такое, что светит в сердце и днём, и ночью, и в чуде, и в заурядности, и в катастрофе, и в не-катастрофе, оно и толкает на поиск настоящей истины Материи и Духа. жизни я прошла через всё, и всегда чувствовала нечто вроде света - неуловимое и совершенно чистое (не в моральном смысле, я говорю о чистом свете) - оно пронизало повсюду, светило везде, но ни с чем не смешивалось. Даже ребёнком, я ощущала это белое пламя. Я никогда не чувствовала отвращения, презрения, ужаса, никогда не казалась себе испачканной чем-либо или кем-либо. Пламя, настолько белое, что никто не лишил бы его этого цвета, горело всегда>. И что могло испугать это? Какая Майя устояла бы перед этим? Какой ад или рай двенадцати миров? Или тринадцатого, нашего, хотя он, похоже ещё не стал тем, что он есть на самом деле. Когда же это случится, все тринадцать миров станут одним во времени без несчастий, пространстве без столкновений и - теле без смерти.

Сверхчувство

Мы говорили, что Мирра искала настоящий закон Материи, настоящее движение жизни, но

ведь на самом деле всё вращается вокруг одного вопроса. Мы стоим перед фактом смертности человека или, во всяком случае, смертности человеческого тела; пока не будет найден ключ к смерти, у нас не будет ключей ни к Материи, ни к жизни. Странно: чтобы понять, что такое материя, надо узнать, что такое смерть, словно, взглянув на Материю, мы видим и смерть. Они идут вместе. Ни духовные, ни научные перевороты ничего не перевернут, пока не совершится переворот смерти. Одна-единственная прореха разделяет все стороны жизни: благодаря ей жизнь и мир в теле - это одно, а вне тела - другое, мир разделён смертным телом. А умирает оно, быть может, лишь потому, что не умеет иначе, не знает другого пути. Правильный путь - это и есть настоящий закон жизни и Материи. Найдите его, и прореха, мешающая жизни стать настоящей жизнью, будет залатана. Жизнь не должна быть добычей смерти, а Материя должна стать тем, что она есть, но мы не знаем, что есть на самом деле, мы видим только свои микроскопы и телескопы. По правде сказать, они ничуть не умнее нас; это просто продолжение нашего интеллекта, неизменная чёрная или золотистая сеть, окутавшая даже бесконечно малое, всё та же пара очков, уставившаяся на саму себя совсем не так, как надо - а как надо? Так, чтобы изменить всё? Стоит нам только приоткрыть настоящее окно в Материю, и Материя изменится так же радикально, как в тот день, когда окно Разума заменило окно обезьяны.

Шри Ауробиндо в Калькутте, как и Мирра, видел тот же взрыв видимого мира. Вскоре он напишет: время все знают, что наука говорит не об истине предметов, а лишь о языке, выражающем некоторый опыт предметов, их структуру, их математику, впечатление, упорядоченное экспериментами, и пригодное к употреблению, - не более того. Даже структуру Материи мы знаем поверхностно (возможно, это просто одна из форм энергии), лишь настолько, насколько она доступна разуму, чувствам и некоторым инструментам исследования (а ведь сейчас предполагают, что последние очень сильно влияют на результат: Природа приспособливает ответ к инструменту), и ни один ученый не знает более этого или не может знать>.

Мирра только начинала этот поиск, но продолжать Она его будет до девяносто пяти лет, шаг за шагом, каждую ночь и каждый день. не очень интересовали Её, разве что Она наблюдала, как меняются черты лица, форма или цвет объектов, погружающихся в другом измерении - а кто скажет, где измерение? Все это интересовало Мирру лишь настолько, насколько что-то изменялось в Материи, в её организации, и, в конечном счете, что это могло дать миру, тому миру, по которому Она уверенно шла. И для Мирры, и для Матери весьма важен такой прагматизм. Из своих переживаний Она стремилась создать не философию или систему, но средство действия. не стремилась к пониманию через голову, меня интересовал результат: как изменюсь я сама, как изменится моё отношение к миру, как изменится моё отношение к творчеству. Так было с самого детства. Откуда приходят изменения в мир, окружающий ребёнка? Происходят вроде бы совершенно обычные вещи, но моё отношение к ним меняется, и меняется всё вокруг. Почему? Всегда происходит одно и то же. Зачем чувствовать себя так, будто у вас на голове огромный груз, если можно подняться над ним, улыбнуться и мало-помалу начать изменяться? Почему не выпрямить то, что скручено? Это так же просто, как выпустить пар из клапана>.

Чтобы найти тайну тела и Материи, нужно, конечно, овладеть ими, ведь никто не признается, что он в тюрьме, пока не выйдет из неё; да и нужно ли рассматривать стены здания в микроскоп, если хочешь всего лишь убедиться в его реальности? Кроме того, надо ещё узнать, как работают чувства и глаза, когда вы смотрите в микроскоп. Каждый день Она проводила сотни экспериментов, по любому поводу, но, главное, без повода. Нам тяжело сделать выбор, поскольку это то же самое, что выбирать из полётов птицы, не знающей клетки, какой-нибудь один. И всё же, нам немного легче, ибо Она вспоминала об одном типе экспериментов, дающем

нам указание на то, в каком направлении двигался Её поиск: я пролежала в постели, мне было скучно, и я хотела выйти из дома. Я была в спальне, к которой примыкала небольшая комнатка, а за ней тянулось что-то вроде мостика. В середине сада он переходил в лестницу, ведущую в просторную и красивую мастерскую в саду... - Дело происходило на улице Лемерсье. - Я хранила спокойствие, закрывала глаза и понемногу посылала вперёд своё сознание. Сознание собирается в пучок, затем как бы вытягивается (оно вытягивается почти физически), проделывает весь путь и попадает в мастерскую. Если всё делать правильно, то можно увидеть, что там происходит и даже услышать, хотя сама я не была в мастерской: тело лежит на кровати в спальне, но сознание там. Это Физическое сознание, поскольку я всё видела и слышала физически. Если в комнате были люди, я видела их, если они говорили, слышала их разговоры... Это как бы сверхчувство, то есть настолько мощное и развитое чувство, что оно может воспринять то, что недоступно обычным чувствам, например, видеть на расстоянии, действительно видеть - физически - сквозь стены>. Это является сознанием, поскольку, в общем, существует только одно чувство - сознание; для удобств эволюции оно привыкло пользоваться глазами, ушами и так далее, но только эволюционная лень, или, возможно, снисходительность, постоянно довольствуется тем, что есть у нас, младенцев эволюции, и твёрдо верит, что без глаз нельзя видеть, без ушей - слышать, без тела - двигаться. И поскольку мы верим этому - иначе быть не может. Стоит отказаться от этой веры, и всё изменится. Может быть, даже смерть, если в неё не верить, исчезнет. Нам надо отказаться от многих привычек: привычек>, - говорила Она.

Она вновь открывала то, что знали древние мудрецы - санжнану санскритских текстов; Шри Ауробиндо определял её так: связана не с работой различных органов, но прежде всего с контактом сознания и его объекта, то есть санжаной>. Мы, как и все дети эволюции, забываем фундаментальный закон, содержащий ключ от нашей тюрьмы, ключ к свободе: мир един, он делится на части, хоть мы и пытаемся изгрызть его на манер термитов, вырывая для себя гнёзда и черепные коробки; мир представляет собой одно тело - мы слагаемся в это тело, поэтому нет ничего удивительного в том, что вы можете коснуться Нью-Йорка или Гонконга, мастерской на улице Лемерсье, или своей ноги - точно так же одна клетка тела знает о другой. Мы запираемся в клетках, и мы говорим, что это закон. Да, закон нашей клетки, но не мира и не Материи.

Сознательный сон

Способность расширять сознание - первый шаг, независимость от физических инструментов - второй, а в конце концов мы приходим к независимости от тела. Тело - это, как говорил Шри Ауробиндо, но какого пути? Мирра была независима от своего тела довольно долгое время, даже не желая этого, и не стремясь к этому. Оно стало практически независимым предметом, и Она могла покидать тело в любой момент и отправляться в иные миры, но куда именно? Таких миров множество, но если они не давали большего знания о Материи и лучших возможностей работы с ней, главным полем Мирры, то все эти эфирные прогулки были столь же неинтересны, сколь, да и зачем нужно тело, если его можно покинуть и прекрасно зажить вне его? Это просто и логично. Остается лишь удивляться, неужели все истории о рае и благодати были выдуманы лишь затем, чтобы блаженствовать в горнем мире, пока гниёт мир дольний? Природа всегда была мудра в своей экономии, поэтому, если она построила эту клетку, то в ней, всё-таки, спрятано нечто такое, чего ни в каком мире ином не найдёшь - материализм всегда оказывался отличным пробным камнем, только не, так сказать, материализм, не материализм смерти, требующей искусственного вращения, а, тот, что овладевает Материей и пытается сделать из неё нечто иное, нежели телефоны и прочие безделицы, или даже сверхкартины и сверхсимфонии, остающиеся всё той же потусторонней музыкой. Мирра хотела, чтобы обе

стороны находились в Материи, в клетках человеческого тела. Она была проста и цельна: если что-то есть, оно есть всегда, а если это не так, то его нет. Дремотное блаженство или мессы-медитации по воскресеньям были не для Неё. День - это 1440 минут и соответствующее количество секунд. Прежде всего нужно было разобраться в , понять, как работает клетка, созданная Природой. Материя представлялась Мирре всё более и более таинственной и , как энергия Эйнштейна или волны-корпускулы Луи де Бройля - тело умирает, но почему? Ведь всё прочее явно жило, с телом или без него, и жило пластично. Она совершенно не заботилась ни о философии, ни вообще о каком-либо : только в то, что видела или в то, к чему могла прикоснуться>.

А видела Она много: миры или планы сознания вытянулись вереницей от самой что ни на есть материальной Материи - но мы даже не можем сказать, где кончается Материя и начинается Дух - до всё более и более обширных, сфер, они кажутся настолько приятными для жизни, что сознание там почти исчезает - но почему это происходит? Это предел? Наш предел? Граница сверхклетки? Или что? Она всё лучше узнавала миры и переходила из одного в другой, ещё более легкий, будто просто меняла платья, а физическое тело оставалось внизу, на конце тонкой , и всё глубже, почти что погружалось в каталепсию по мере того, как Мирра отдалялась от него. Жизнь и смерть сводились к этой нити: на самом деле, не умирало ничего, кроме разве что самого конца нити, мелочи в её начале. Она не боялась, Она никогда ничего не боялась. Везде и всегда горело .

На улице Лемерсье Мирра начала изучать сон - он стал её первым полем исследования. Это несложно, ведь сны находятся прямо под рукой. Она просто старалась ни на миг не отключать сознание во время своих прогулок. Она хотела знать, куда идёт, что делает, почему поступает так, а не иначе, и каким образом ночные происшествия сказывались на Её материальной жизни или смешивались с различными историями, случавшимися с Нею прямо на следующий день после сна, будто они были его продолжением или следствием. Главным для Мирры было не провалиться в яму бессознательного, этого Она пыталась избежать любой ценой, ибо бессознательное для неё было равносильно смерти. Ей было важно держать глаза открытыми и по эту и по любую из сторон мира. Сначала это было нелегко: переходя от мира к миру, нужно перешагнуть небольшой порог, пережить небольшое изменение состояния, один вздох, и контакт потерян - вы как животное. людей нет дороги от одного состояния бытия к другому, между ними как бы зазор и люди вынуждены перепрыгивать его: у них нет единой тропы, тянущейся через все состояния, поэтому разрыва сознания не избежать. Это похоже на чёрную дыру: вы попадаете в неё и всё забываете. Но мост надо перекинуть и над этой пропастью. На это требуется время, но ещё дольше строить настоящий физический мост>. Мирра терпеливо строила его шаг за шагом, и в конце концов Она забыла, что такое : я внимательно следила за собой и контролировала себя: я замечала всё - любое слово, любое впечатление, я пыталась переходить от одного воспоминания к другому. Сначала никаких заметных плодов это не приносило, но месяцев через четырнадцать я уже могла перелистать все свои сны в обратном порядке. Состояние изменилось; сознание не прерывалось вообще, и я больше вообще не засыпала. Тело пребывало в глубоком сне, но сознание бодрствовало. В результате я ясно осознавала все фазы сна, и ничто, вплоть до самых последних мелочей не могло ускользнуть от моего контроля>.

Мирру интересовал прежде всего : зачем нужны , если они ни на йоту не изменяют Материю? добился единства бытия и проник сознанием во все основные элементы своего тела, его сон будет сознательным и универсальным. При желании он сможет узнать, что происходит в том или ином месте, с тем или иным человеком, а благодаря естественной универсальности сознания он сможет получить контакт с любым предметом. Обычный сон имеет какой-то смысл

только с физиологической точки зрения, а здесь мы имеем дело с творческим и сознательным сном>. Механизм воспоминания Она объясняла следующим образом: головой, вообрази что-то вроде неподвижного зеркала и сосредоточься на нём. Тыловишь отрывок сна, самый конец. Вытягивай его, но не двигайся при этом. Тянуть надо очень мягко, и постепенно часть за частью появится сон. Сначала приходит самый конец. С него начинается всё, и вдруг выскакивает весь сон: "А! Вот, оказывается, как это было!" Только не двигайся; повтори всё несколько раз, пока сон не прояснится до мельчайших подробностей. Восстановив его, сохраняй неподвижность, старайся идти дальше, и ты поймаешь ещё что-то. Оно дальше и туманнее, но его тоже можно поймать. Держи и тяни его; внезапно всё изменится: ты попал в другой мир, начались необычные приключения - это другой сон. Придерживайся той же процедуры. Перескажи себе сон несколько раз, пока не уверишься в нём окончательно. Сохраняй спокойствие и уходи ещё глубже внутрь самого себя. Внезапно появится какая-то неясная форма, тебе покажется, ты ощутишь.... как бы поток воздуха, ветерок, дыхание: "Вот, вот!.." Впечатления обретают форму, становятся яснее - приходит третья ступень>.

А за всеми ступенями, высоко в сознании, нас ждёт высшая фаза, там всё светится белым светом, всё неподвижно, будто покоится в вечности, откуда выходишь совершенно свежим. Достаточно окунуться в эту ванну на несколько минут, и вы полностью обновитесь и расслабитесь.

Нам ещё предстоит открыть, что в этих мирах или планах находится источник всех событий в этом мире; миллионы случайностей сплетаются там в непрерывную и строгую последовательность, будто кто-то наверху знает и видит всё - быть может, наверху находимся как раз мы сами, только без ментальной скорлупы.

Когда мы узнаем это, то обнаружим, что человек всеобъемлющ и универсален от природы.

Тонкое тело

Но сначала мы сталкиваемся с непосредственной границей Материи; там ещё трудно знать наверняка, что это такое, прежняя Материя, нечто другое, или иная, может быть, настоящая Материя? Она видела её даже с открытыми глазами. Вокруг себя или любого человека (хотя выглядело это всегда по-разному) Она видела некий лёгкий покров - не то тело, не то одежду, которую можно было одеть на себя, отправляясь на прогулку в ближайшие к Материи области - в мир, похожий на физический, знающий столь жёсткого разделения; вещи там более гармоничны и спокойны, а чувства неуверенности и спешки там меньше>. Лёгкое тело всегда было с Ней, даже на улице: оно словно переносило Мирру к другой, менее тяжёлой Материи - будто бы удвоился>, - говорила Она. Она открывала то, что открыли миллионы людей по всему свету - для этого не обязательно быть мудрецом, просто излишний материализм скрывает от наших глаз это: сукшма шарира Индийской традиции, , которому уготована в нашей истории важная роль. Мирра видела его довольно долго, с самого детства: интеллектуального сознания понимание пришло гораздо позже, когда я приобрела достаточный опыт, а его накопилось с детства много; он всегда приходил единым, как тяжелая глыба: он овладевает человеком, и тут нет нужды ни в вере, ни в знании! Ничего подобного, ты оказываешься лицом к лицу с вещью, и тебе уже нечего сказать>. В данном случае вещь это тело, воспринимаемое обычными людьми либо во сне, либо, ещё более отчётливо, в смерти. Этот этап путешествия мы ещё пройдем вместе с Миррой. В общем, нам повезло, так как в лице Мирры мы встретили исследователя, не обременённого ни опытами предшественников, ни всякими прочими подобными вещами, - это, так сказать, Эйнштейн-самородок, руки которого не связаны возможностями (или невозможностями) Ньютоновской механики, санскритской грамматики и священных трактатов.

Можно сказать и лучше - материалистка Духа.

Мы можем повторить слова Матильды о том, что всё это - сон, и тут не будет противоречия: по сути дела, уравнения Эйнштейна - тот же самый сон, только для высших и более многочисленных млекопитающих. Мы вспоминаем забавную сцену, произошедшую между Матильдой и Миррой вскоре после смерти : , - сказала Матильда, - л постоянно вижу твою бабушку! Более того, она даёт мне советы! Она говорит мне: "Не трать деньги!" А я ответила матери [можно представить себе тон Мирры и Её щёки, раздувшиеся от едва сдерживаемого смеха]: "Ну, что ж, она права, будь осмотрительна" - "Но, послушай, она ведь умерла! Как она может разговаривать! Она умерла и лежит в могиле, в шести футах под землёй!" Я спросила: "А что такое - умерла?.." Это было смешно>. Естественно, мы полагаем, что всё, происходящее вне стенок аквариума - . Наверное, и сам человек - сон рыбы. Или чей?.. Чтобы узнать, надо выйти из аквариума. Я расскажу одну историю, чтобы было легче разобраться; это личный пример, но нет толка в знаниях, если они остаются на полках библиотек. Когда я жил в Индии, во Франции покончил жизнь самоубийством дорогой мне человек. Он снял комнату в совершенно неизвестном мне городке. Я даже не подозревал о его намерениях. Однако как-то раз ночью я увидел вроде бы совершенно ничем не примечательный и тривиальный сон, но, поскольку Мать учила обращать внимание на всё (и прежде всего на вещи), я запомнил его: я поднялся по тёмной лестнице, подошёл к комнате, и остановился на пороге. Что-то дало мне понять, что там находится мой друг, совершивший самоубийство, хотя я и не видел его. Мой взгляд просто блуждал по комнате: на полу лежал ковёр, а всю обстановку составляла одна лишь кровать. Это я видел отчётливо. Но в первую очередь обращало на себя внимание окно, словно в нём была сосредоточена некая особая сила; оно выходило на площадь, окружённую деревьями, по одну сторону которой стояли дома, а вдоль другой тянулась невысокая стена. Площадь уходила вдаль, сливаясь с тусклым и туманным холодным небом, по которому плыли чёрные облака. Я долго смотрел на небо, и его тяжесть почти физически давила на меня. Вот и всё. На первый взгляд, ничего значительного. Через два дня я получил известие о самоубийстве моего друга. Вспомнив из своего сна, я нарисовал её и послал рисунок во Францию. От рисунка настоящая комната отличалась лишь тем, что в ней не было ковра, а был паркет. Я не увидел линий между дощечками - это и понятно: от Франции меня отделяло десять тысяч километров. Но вид за окном был совершенно точен. Моего друга нашли у порога комнаты. Во сне я видел то, что предстало его последнему взгляду.

В тонком теле я вышел в мир тонкого физического.

Интересно, какой нужен телескоп, чтобы различить рисунок паркета сквозь стены, да ещё и на расстоянии, отделяющем Пондишери от Атлантического побережья? Можно только удивляться, как, ничего не зная, я оказался там в тот самый момент, когда умирал мой друг - я был предупреждён... Как? Вечная иллюзия разделения (вот вам и мира): мы не можем отказаться от мысли, что есть и есть , что и находятся в разных кожаных мешках, и что нет числа маленьким незнакомым комнаткам. Мать говорила: , и я здесь, и все здесь!> Мы составляем единое тело, откликающееся на свой собственный призыв через десятки тысяч километров. Нужно только выйти из аквариума, не к чему нам быть сном рыбы или другого существа... которое, быть может, - мы сами, только, наконец, целостные и всеобъемлющие.

Тонкое тело не особенно интересовало бы Мирру, если бы оно не играло чрезвычайно важную роль в повседневности, ведь ни , ни прогулки в тонком физическом ничего не дадут, если не помогут гулять здесь. Возможно, не всем выпало счастье(?) видеть тонкое тело, но несмотря ни на что, оно есть: без него мы стали бы обычными туповатыми машинами, воспринимающими лишь то, что непосредственно касается кожи или оставляет отпечаток на сетчатке глаз. Тонкое тело связывает нас с . Через него в нас проникают вибрации

горизонтального мира. В некотором смысле это одежда для нашей души, сотканная из сил, которые мы обычно притягиваем к себе - можно было сказать, но на самом деле люди ничего не вырабатывают: они пожирают всё подряд, и, едва что-то попадает к нам внутрь, говорят: !> Человек даже не замечает текущий сквозь него поток вибраций. Словом, мы не знаем, как живём. А оболочка берёт цвет и силу у наших излюбленных вибраций: в гардеробе любого человека полно одежды - это сеть, сплетённая из микроскопических сил повседневности: тревоги, желания, гнева, вожделения, жажды, надежды... Одежда бывает прочной и ветхой, светлой или тёмной, красной, синей, золотой, но чаще всего это, подобная той, что представлена на лучших картинах Пикассо. А иногда нет и цвета - одна серая муть. Тёмное месиво. Порой одежда изношена до дыр - и разочарований разрушительны: они испещряют её прорехами, истончают ткань, лишают оболочку силы к сопротивлению и открывают двери врагам>. Оболочка крайне изменчива: любому воздействию и в один момент способна полностью изменить своё состояние. Дурные воздействия столь же сильны, сколь и хорошие, только с обратным знаком... Мир, душевное равновесие, уверенность в своем здоровье, покой, неизменная бодрость духа, счастье, дают ей свою силу и свой образ существования>. Но через те же двери входят и болезни. Мы говорим о микробах и вирусах, но никаких не существует - полны подобными вещами! -воскликнула Мать. - Люди дают ужасные имена тому, что им не нравится, но это не меняет дела. "Болезнью" называется устойчивое состояние, в котором можно находиться... а можно и не находиться>. Когда вы радостны, бессилён, но стоит упасть духом, и болезнью станет всё, что угодно: человек попадает в недуг. Мы сталкиваемся лишь с теми случайностями, которые сами подготовили. Мы бодем только своей оболочкой. Это и есть болезнь.

А чтобы вылечиться, нужно только залатать одежду и сменить цвет на более яркий и здоровый оттенок. Но сначала придётся немного материю и не крутиться как флюгер на ветру, а взглянуть на . Они приходят извне, и мы замечаем их издали (вибрации движутся как бы по касательной к человеку). Когда какая-нибудь из них задевает оболочку, мы видим все тридцать шесть сил, составляющие её и все цвета радуги, которыми она переливается. Цвета как будто сообщают человеку, с чем он столкнулся - желанием, гневом, дурной мыслью, чужим внушением или болезнью; вибрации не лгут, что бы там ни говорили улыбки, приятные слова или учтивые жесты, сопровождающие их. с собой ощущение, вкус, даже запах... Некоторые болезненные образования придают воздуху особое качество, - будто ведёшь рукой против шерсти>. Мир проясняется, проясняется всё. Мы властвуем над собой и пропускаем внутрь себя только то, что нам угодно, а остальное отводим или отбрасываем в сторону. И жизнь уже не прежняя неразличимая жуткая смесь, а что-то совсем другое. Когда же мы покидаем тело, чтобы умереть или , кошмары нас больше не мучают.

Вертикальный детерминизм

Есть целый мир вертикальных вибраций.

Если бы оттуда нечего было принести сюда, прогулки в этом мире были бы начисто лишены для Мирры смысла. , отбрасывающее тело и внешнюю жизнь, бесполезно, поскольку оставляет мир в прежнем состоянии!> Она видела, как Шакти, единое тело сознания или силы, проходя через все человеческие или нечеловеческие , окрашивалась в чёрный или жёлтый, в соответствии с окружающей средой, цвет, дробилась и почти что рассеивалась по мере погружения в Материю. Мирре же был нужен чистый поток и широкий ритм, а не полихроматический, синкопированный, рваный и дисгармоничный шум. Она интуитивно чувствовала: попав в Материю, одна чистая капля этого потока изменит всё. стало мантрой или

паролем для Нее. В сущности, смерть, чёрная тьма, поглощающая все лучи спектра и не отражающая ничего, не откликающаяся и разлагающаяся в силу своей глухоты, - смерть это всего-навсего пароксизм раздора. Внедрив Ритм в мир, человек избавился бы от смертельных последствий раздора. Для Мирры почти весь вопрос сводился к : как выправить изломанное? лишь тогда, когда что-то отклонялось от светящейся, прямой линии (не в геометрическом смысле, просто линии света) Только это и мучило меня. Мысли о добродетели и грехе никогда не приходили мне в голову - никогда!> Прямой луч. Она искала только его и только его хотела провести повсюду, на каждую ступень и в мельчайшую банальность. Всё несло или могло нести смерть без него. Смерть начиналась с разделения луча. Мирра чувствовала его над собой и видела, как, проходя через любую среду, луч окрашивается и преломляется, будто в призме, а затем дробится и распадается на бесчисленные и враждебные друг другу силы - каждая хочет быть единственной и страдает, поскольку ищет великий луч, от которого отпала. Всё просто, так зачем нужны наши обычные сложности?

Стоит выйти из тюрьмы, подняться на одну ступеньку, и всё начинает изменяться; мы видим, мы можем проследить пути всех сил, кишащих подобно рыбам в аквариуме: косяки мыслишек, водовороты желаний, стремнины карликовых или прожорливых вожделений, - все они бросаются друг на друга, переходят от одного человека к другому и творят злые козни, но иногда случайно озаряются пузырьками света, изменяющими направление сил и потока. Мирра часто вспоминала одну историю, видимо, она поразила Её больше, чем сотни других. Весь Париж читал газету . На первой странице был изображён мальчишка в ливрее, вежливо предлагающий читателю взглянуть на календарь. Какое бы число не было на листке, какие бы несчастья не случились в этот день, мальчишка выглядел одинаково учтиво. И вот, один человек, вернувшись из путешествия, снял номер в отеле и лёг спать. Ему приснился странный сон: мальчик с первой страницы вместо того, чтобы протянуть календарь и пригласить к радостям нового дня, вежливо пригласил путешественника сесть в... катафалк. Сны вообще бывают необычными, поэтому наш герой не придавал значения тому, что он увидел. Проснувшись и побрившись, он вышел из комнаты и направился к лестнице. Мальчишка-лифтёр вежливо пригласил его воспользоваться лифтом... вспомнив , путешественник вздрогнул: , спасибо, я пойду пешком>. Через две минуты лифт сорвался и разбился вдребезги.

Вот вам и ещё одна прогулка в тонком физическом, на ступеньку выше Материи, представляющейся нам такой материальной; эта прогулка была удачной. Но возможно мы могли бы почаще столь же удачно выходить в эту область и тем самым разрушать козни, рождённые столкновением силовых потоков человеческого аквариума. А если бы опустили в Материю высший луч и высший взгляд, это было бы самой удачной прогулкой. Об этом говорила и Мирра. Раз всё разделённые и перемешанные между собой силы берут начало в одной, значит, в мире не тридцать шесть сил, не тридцать шесть грехов и не тридцать шесть , а только одно, и если бы дотянуться только до него и вытащить его в наш запутанный мир, то все законы аквариума тотчас изменятся, - быть может, следует сказать, что изменится среда и её , а всё, что казалось нам разделённым, раздробленным, противоборствующим, ярким или бесцветным как безумная палитра, потечёт совсем иначе и сложится в новую картину.

Но ведь настоящая картина мира нам неизвестна. Вокруг нас набросок, почти что карикатура на нечто ускользающее, но всё же постоянно и полностью присутствующее здесь, да и где ему быть, как не здесь? Все сделано из того, что мы наваливаем на этот мир - у него цвет наших глаз, плотность наших пальцев, простор нашего сердца; оно в миллионах световых лет от нашей мысли и её законов. Действительно, незачем отсюда, карабкаться на вершины сознания, лететь сквозь бесчисленные миры за недоступной ; может быть, достаточно пересечь собственное Саргассово море, пройти сквозь слои, наваленные в ходе эволюции, и это даст нам

ощущение настоящего путешествия, мы будем уходить всё дальше и дальше в иные, всё более светлые, лёгкие и просторные, миры, - и самые безбрежные просторы всегда будут рядом, в каждом нашем шаге и в самых серых буднях; лёгкость всегда живёт внутри человека, ясность принадлежит не , а находится в поюстороннем, хотя и очищенном от завалов, мире. Рай не в миллионах километрах от нас, не в завтрашнем дне, и не в жизни, жизнь целиком здесь и сейчас, а к смерти ведёт только бессознательность; стоит очистить этот слой, и вечность вспыхнет в мгновении, и рай воцарится в наших телах. Путешествовать некуда! Нет завтра, нет иного мира, нет - бесконечность живёт в наших шагах и в самых незаметных жестах, под покровом миллионов цветов и законов, соответствующих только этому цвету и неумолимой силе тяжести человеческого невежества. А ведь мир вокруг нас бесконечно светел, текуч, подвижен и невероятен, просто мы верим не в него, а в смерть, Ньютона, законы Менделя и строгие уравнения врачей и судей цветного шарика, надутого ими самими. Мы подчиняемся жёсткому детерминизму нашего цвета и нашей среды сознания: детерминизма>, - говорила Мать. Весь этот огромный мир представляется как бы чудовищной проекцией - уникальной и единой проекцией, тянущейся сквозь всё более и более тёмные и плотные слои и среды, и на каждом уровне принимающей цвет или соответствующей среды; но ведь на любом уровне движется один и тот же луч одной и той же Шакти, чистой, огромной, всевидящей и свободной! Всюду одно, ибо двух нет. А мы в своих маленьких телах - просто нагромождение более или менее плотных слоев, в каждом из которых есть центр, соответствующий всеобщему слою или среде; в зависимости от центрального слоя человек может иметь самые разнообразные жизни. Можно сказать, что человек переживает любую историю во всех возможных вариантах: поступок, событие или случай в нижнем слое представляет собой карикатуру или искажение той же сцены на более высоком уровне, где она привела бы к совершенно другой истории - другой, но той же самой, только увиденной в ином свете; кажется, будто в каждой жизни мы пишем плотно одной краской, но иногда, подмешав к ней совсем другую (это выглядит как разрыв абсурдного детерминизма), возвещаем о будущем плотнее - той же самой, только более чистой и гармоничной истории. , - говорила Мать, - все обстоятельства, события и предметы обладают как чистым и истинным существованием, так и определённым числом нечистых или искаженных. Это возвращает нас к мысли о том, что, как бы не был строг линейный детерминизм, мы, зная как преодолеть линейность и достичь высшей Точки сознания, способны изменить вещи, представляющиеся абсолютно предопределёнными>. Примерно тем же образом жилец со второго этажа одним взмахом руки ловит камень, падающий на голову прохожего. Мальчик во - первый шаг к новому , первая ступенька наверх, - говорим мы, но может быть, так человек впервые очищает здешний мир, просветляет плотный слой и чувствует лёгкость среди варварских уравнений. Начинается настоящая история.

Может быть, все жизни проигрываются на одной огромной сцене, но свет всякий раз разгорается всё ярче. Мир - это вечно проясняющаяся история. Человек - совершенно , но постепенно он становится самим собой.

Встреча

Мирре хотелось видеть историю мира яснее, свою Она знала хорошо, пережив и затвердив её наизусть в самых разных вариациях и головных уборах, от венца фараона до соломенной шляпки. А вокруг Она видела горе - Родена, Руо, Мориссе: ! Это и есть жизнь?.. Как! Это и есть люди?..> - многоликое и разноцветное горе. Вот эти последствия детерминизма Она и хотела изменить, но в первую очередь - тёмный детерминизм мира, запертого в якобы научном слое, где каждый находится в мешке Материи, представляющемся ему непроницаемым,

ограниченным и подверженным смерти: иллюзия! - воскликнула Она в одном из своих ранних сочинений. - Да вырвется этот печальный мир из кошмара и остановит этот жуткий сон...> Но что у Неё было? , хаотичные, необъяснимые порой видения, бесчисленные акты восприятия, подтачивавшие, но не исцелявшие внешний мир, ритмы другой гармонии, вибрации, сверкающие как алмаз в темноте, рассеять которую ему не под силу, ступени Её сознания, ведущие, казалось, в разрежённую атмосферу, где ни мир, ни тело уже не принадлежат земле, или принадлежат, но другой, ещё не рождённой. Всё было туманно, путано, необъяснимо. У Неё была только жажда, и только в ней можно было быть уверенной: это словно нерождённое будущее, белым пламенем горящее внутри - . никогда не выйдет толка>. Ей было 26 лет. Она была одинока, но чувствовала, что низвести сны в Материю можно - должен найтись способ для этого. Только желание найти образ действий в конце концов кристаллизовало его, и, как их снисходительно величают люди, подготовили величайшую революцию, размах которой людям пока не уразуметь. О, смерть мы можем вообразить - и смерть, и телефоны, и бомбы, и истории болезней, в плане разрушения наше воображение вообще работает отлично, а ещё проще представить себе великих лекарей от науки, выписывающих рецепты от ими же изобретённой болезни и оплодотворяющих землю химическими удобрениями лишь потому, что позаботились об уничтожении птиц, живших на этой земле. По бедности сознания любой человек может представить себе фармакологию, но иные (редкие) существа, ещё дети, обладают , как скажет Мать, - юные ростки, пока не знающие смрадного дыхания цивилизации разума, ещё не явленное>: настоящую землю, живую материю, они проникают в ещё не осуществлённый мир, чтобы поймать там и принести сюда что-то>. Мирра и приносила: наугад Она искала мир завтрашнего дня. Она видела, чем станет наша Материя. Сама того не зная, Она искала , способных низвести в мир физического детерминизма другой детерминизм>.

Она была одинока.

Примерно в начале 1904 года, когда Её силы почти иссякли, незадолго до встречи с человеком, который даст более или менее связное объяснение Её переживаний, в целой серии (опять !), Мирра видела... Шри Ауробиндо, совершенно неизвестного в ту пору во Франции, а потому незнакомого и Ей. Их физическая встреча произойдёт лишь через десять лет, в 1914 году в Пондишери. было несколько видений, и в некоторых... (имейте в виду, я знала об Индии не больше любого среднего европейца: "страна, населённая людьми с определёнными привычками и религиями, страна с запутанной историей, полной странностей" - вот и всё, точнее, ничего) словом, в некоторых я видела Шри Ауробиндо: физический образ, но в ореоле, то есть, такой же человек, как и тот, с которым я встретила позже - худой, с золотисто-бронзовой кожей, тонким профилем, длинной бородой, длинными волосами, через плечо переброшен конец дхоти, руки, часть туловища и ноги обнажены. Тогда я подумала, что это "облачение видения"! Повторяю, я ничего не знала. Я никогда не видела индийца в индийской одежде... В этих снах я по индийскому обычаю падала перед Ним ниц, чего на самом деле никогда не делала. Голова ничего не могла понять (то есть я не знала ни что делать, ни как делать - совершенно ничего). Я делала это, а кто-то вне меня недоумевал: "Что бы это значило?">

Интересно, что как раз в 1904 году Шри Ауробиндо положил начало собственной сознательной йоге, а Мирра, в свою очередь, подошла к систематическому освоению планов сознания - или слоёв детерминизма, чтобы подняться к . Оба словно ждали встречи, чтобы начать совместную работу за 10 лет до физического знакомства.

Они встретились в тонком физическом, поднявшись на ступеньку над Материей (, или в пределах той же, только более точной, чем наша?).

Если это , то где реальность? Может быть, реальность - сон, сбывающийся по мере сил сновидца? Одни видят во сне будущее мира, другие попадают в микроскопические преисподние,

обладающие реальностью, а третьи всюду охотятся за выгодой, но та обращается в дым. Поостережёмся снов. О чём вообще можно грезить в аквариуме? Ни один сон не принадлежит нам - то же и с мыслями: они приходят и уходят, проходят через нас и уносятся в великом потоке Шакти; мимоходом мы можем поймать несчастье или большую беду, серый или розовый сон - всё зависит от того, волну какой длины мы можем уловить, но что бы мы не поймали, всё оказывается лишь искажением луча, попавшего в аквариум. На самом деле, будущее не в завтрашнем дне, и Пондишери не в десяти тысячах километров, и до встречи не десять лет; от великого света, преобразующего мир, разорванный расстояниями и эфирными планами, человека отделяет только его собственная темнота; путь в будущее тянется сквозь слои бессознательного, завтрашний день находится по ту сторону аквариума точно так же, как мы с братьями-рыбами стоим по разные стороны стеклянной стены, а чтобы попасть в рай, не обязательно умирать, ведь свобода обходится без сверх-конституций, а радостные знания - без тысячелетней благодати, - всё здесь, и нам не надо преодолевать расстояния, чтобы достичь этого. Всё потустороннее царство - плотность нашего сознания; детерминизм - темнота среды; законы приснились нам в аквариуме. Так поостережёмся же наших снов. Будущее - огромный солнечный цветок, сияющий среди нас и раскрывающий лепестки по мере того, как мы открываем глаза. А если открывать их быстрее? Если понимать быстрее? Если разорвать тьму фальши сияющим взглядом? Чего мы ждём?

Некоторые открывают глаза первыми, они несут нашему сознанию великий сон о здешнем, но ведь сны не для нас. Они с трудом несут тёмный слой бессознательного, чтобы луч проник в нашу плотную субстанцию. Они ждут, ждут... Но чего ждём мы? Почему нам не пробудиться от кошмара? Мы изобретаем машины, конституции, панацеи, - всё ломается, но единственный взгляд мог бы рассеять все призраки, он ждёт. Если бы люди поняли!

Можно, конечно, размышлять, как это так вышло, что за десять лет до настоящей встречи Она увидела, решив, что тот одет в (!). Да разве где-нибудь, кроме как в аквариуме, бывают, где вообще может найтись, величайшая тайна, лишённая таинственности? Вся тайна собрана в слоях нашего бессознательного, другой - это я сам, полагающий, что отделён от мира своей сумкой; испокон веков миллионы делили с нами кров, радость и нищету и шли вместе с нами к высшей точке, где незнакомцев нет, поскольку там всё знакомо, и каждый человек там является всем сразу. Возможно, время - это медлительность сознания. Мать и Шри Ауробиндо долго шли вместе, долго видели сны, и каждый сон был всё ближе, каждый раз они расчищали путь Великому Лучу, они обладали